КАРИ

КАРИ УНКСОВА

КАРИ УНКСОВА

ИЗБРАННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЛИРА" 1985

Kari Unksova: **IZBRANNOYE**

© 1985 Kari Unksova Fund
Cover design by G.Dorin

Отпечатано в типографии
"ЯКОВ ПРЕСС"
ул. Рош-Пина, 22
Тель-Авив

Сборник "Избранное" — первая книга ленинградской поэтессы Кари Унксовой.

Кари Унксова родилась 21 октября 1941 года в Алма-Ате. Писать стихи начала в детстве. В 1965 году окончила геологический факультет Ленинградского университета. С 1979 года постоянно подвергалась преследованиям за принадлежность к неофициальному искусству. По настоянию властей она должна была покинуть Советский Союз вместе с мужем и двумя детьми. Но за две недели до отъезда, 3 июня 1983 года, при странных обстоятельствах Кари Унксова была сбита машиной и на следующий день умерла.

Незадолго до смерти Кари подготовила для печати свои стихи, сгруппировав их в шесть сборников. Каждый сборник мыслился ею как том, самостоятельное смысловое единство. Первоначально предполагалось опубликовать их на Западе в соответствии с авторским замыслом.

К сожалению, 5-й и 6-й тома — стихи последних лет, были получены по каналам Самиздата, когда макет книги, включавшей только стихи 1970-79 годов из архива Людмилы Кузнецовой, был набран. Мы сочли необходимым добавить в книгу еще два раздела.. Поэма "Веселая космогония с элементами медицины" взята из 5-го тома и выделена во 2-й раздел книги. 6-й том, названный автором "Россия в лете", публикуется полностью в 4-ом разделе сборника под тем же названием. 2-й и 4-й тома были получены еще через некоторое время. Они содержат, в основном, стихи 1970-79 годов, уже вошедшие в 1-й и 3-й разделы книги, кроме "Автобиографии", которая заключает предлагаемое издание.

Мы глубоко признательны И. Зунделевичу, Г. Орлову и А. Волохонскому за участие в составлении и подготовке книги. Сердечная благодарность Людмиле Кузнецовой, сумевшей вывезти на Запад и бережно хранившей рукописи стихов Кари Унксовой.

От издателя

I

"НЕ ПРОРАСТИ БЫ ТОЛЬКО ЛЕБЕДОЙ..."

(1971 — 1979)

СОЛОВЕЙ

Что же есть в соловье?
Беззаветный уверенный голос.
Ищут стаи лесные
А он же находит вполне.
И бесстрашно ныряет
И холод находит на дне
И межзвездный узор протыкает
Тончайший как волос.
Кудреватый арап
В царскосельских медвяных садах
Напоен и напитан
И прислан в наш лес отдаленный
Чтоб силок получить
Или пулю в пернатый висок
Или солнца алкать
В неразрывных морозных тисках
Или дальше лететь
А сюда заглянуть на часок
Или камнем летать
Или песни плясать
Или – петь.

* * *

Вот май напористый
И перистость снегов
И плотный сбитень туч замысловатых
Под ветром крыши хлопают крылаты
Дни без ночей
Ручьи без берегов
Клокочет небо пенится туман
За вспухшие деревья задевая
На гулкий мост опасливо трамваи
Спускаются предчувствуя обман
Вот шалые умножились стада
Пополнившись ягнятами фиатов
Ревут смирясь под жезлом полосатым
Навстречу им проносится вода...
Так плотный день наощупь ощутим
Что меркнут драгоценные страницы
И корешок заслуженно гордится
Телесным преимуществом своим
Не вырубая буквы топором,
Весна их делает и тише и прозрачней
И каждой хочется сказать себя иначе –
То ль прорасти, то ль обрасти пером...

* * *

Вот засевает воду пепел снега
И крутятся потерянные чайки.
Апрель кончается. Совсем промерзли вербы
И раздраженно лязгают трамваи.
Фиалки облетают на ветру
В руках у смуглых косвенных цыганок.
Метро прибежищем и спертой теплотой
Воскресные раскручивает толпы.
Но дрогнет очередь за семенами
И в магазине крошечном "природа"
В углу, среди аквариумных монстров,
В суровых стружках теплятся цыплята.
И после кофе, сигарет и прочих
Аксессуаров напряженной ночи
Я, грешная, смиренно провожаю
Тебя на эскалатор, а сама
Иду на рынок по букет укропа.

* * *

Канат скрипит и озеро лопочет
Сегодня царь а завтра — Ваш слуга
Любимый видишь — небо опустело
Саркома царств проела и леса
Откликнитесь, мгновенные предместья
Аукнись поле матушка вернись
О милых птиц плодоносящих древ
Воскресни обжитое королевство
Кикимора хихикни на бугре
Почавкай где-то на болоте
Злак
Взрасти
Подай мне отзвук
Омут
Куда все подевалось, Боже мой.
Кидает ветер отгоревший звук
На горьком небе постигаю пепел
Предупреждение
Предупреждение
Предупреждение
Это еще не энергия
А так, пыль одна
Одна пыль

Пыль
Праздность и порт
Мидии мидии мидии
Соль
Сушь на снегу
Холодный пролив Лаперуза
Индийского моря лазурь
Плывущие в рифах медузы
Если найти выключатель ногой
То ночь
Оскорбив электрическим светом
Свернется
Найти
Сигареты лекарство лицо
Свобода дыхание сон
Страницы японских романов
Убийство убийство
Нож
Живот
Индийский эпос
Слоны и давильни
Сочится
А сгустки легко отскребать деревянным совком
Но это утром
Пусть засыхает покуда
Запах смерти и мрака

Чистая шея
Дыханье
Сонной артерии
Около нежной ключицы
Дрожат дома. Столица прозябает
Умыто изнутри метро.
Снаружи
Влюбленный поскользнется на снегу
И потеряет милую подругу
Она поедет дальше на коньке
Он позади со сломанной мимозой
Встает и падает
Встает и снова в снег
Об лед стучится темячком
Затылком
Хрустит
И каплет с вымытых волос
Но талая вода целебна очень
Быть может что-то прорастет внутри
Протянется растение живое
Или мимоза выживет в руке
Она летит все дальше на коньках
Уже у трех вокзалов на часах
Какие-то предутренние вести
Встречают грузы.
Почту принесли

Бидоны брякают с густым и сонным млеком
Ночная птица уложила перья
Вздохнула и присунулась к часам
Остыло
Окончательно остыло
Ведь что-то перед утром горячо
Там что-то жаркое
А днем найти не можем
Оно остыло
Солнце жгет свое
А это так –
Безделица, пустышка
Ненаходимая
Так – баловство
Пустяк
Я весь внимание
На чем остановились?
Она кажется поехала в Аддис-Абебу
И там встретилась
С садовником
Он рассказал ей про розы Саади
Каждое утро
Кривыми ножами
Он возвращал им цвет
Росу и аромат
Символ вселенной

Их скрученные лепестки
Символ духа
Их несравненный запах
Символ любви
Их чашечки скрытое чрево
Желтая пустыня
Нежное увядание
Но ты берегись
Этих неясных знаний
Она – пусть
Крепкая баба
Уехала оттуда на верблюде
Жива и невредима
Москва как поле мертвое пуста
Неужели все эти обречены?
Зачем тогда дети?
Смертушка детушка милая соседушка
Всех друзей обошла
А меня не нашла

О моя любовь
Теплый дождь постоянно
Аркан надежды

25 марта 1979

И МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Кара-кара, кара
Кара-кара, кара
Кара-кара
Кири-кири, кири
Кири-кири, кири
Кири-кири.

(Припев одной испанской песенки)

Вот — с одной стороны бароны
А с другой — золотые ханы,
С этой дикой помесью в жилах
В ледяном сижу Петербурге
Пресной соли его метелей
Мне норвежское вторит имя
Гляну пестрым вороньим глазом
Колдовала одна прабабка
Почитаю мудрую книжку
А другая дружила с Крупской
Вон, с морозу краснеют руки

Ее лайковая перчатка
Поброжу по нищему дому
На мизинец мне не налезет
И забьюсь в беспросветный угол
Сто одиннадцать лет жил прадед
Слава богу, в моем подвале
Отравился, заждавшись смерти
Неоткуда лучу проникнуть
А жена, вполовину немка
А потом, как отмает сердце
Колдовала в глухом полесье
Сладких звонких нарежу строчек
Дед под церковью прятал бомбу
Из окна голубям просыплю
Таково-то он знал французский
Гули-гули, скажу, гулены
Что по-русски забыл в тридцатых
Кари-кари поклюйте, птахи.

1972

НОЧНОЙ ДОЗОР
(фотоинформация)

КТО ЭТОТ СЕЙ КОТОРЫЙ ЧАС ЧТО ПРОИСХОДИТ ТУТ И ТАМ

– Я видел видел видел ВИДЕЛ ВИДЕЛ ВИДЕЛ
– Что он бормочет сей, который час который
– Я ВИДЕЛ видел САМ САМ ВИДЕЛ ВИДЕЛ!!
– Который час уже так поздно час который час
– Я ВИДЕЛ.
– Поздно. Поздно
– Я ВИДЕЛ ЧАС Я ВИДЕЛ ПОЗДНО ВИДЕЛ КОТОРЫЙ ВИДЕЛ САМ
– Он не в себе в бреду
– С ума сошел
– Я видел ВИДЕЛ БРЕД БЕЗУМИЕ я видел
– Пусть он покажет нам пусть он нам это скажет
– Пусть донесет
– А может быть...
– Я ВИДЕЛ ВСЕ
– Пусть говорит
– Не надо
– Мешаете!
– Да замолчите!

– ВИДЕЛ!
– Пусть скажет
– Не мешайте!
– Говори!
– Я ВИДЕЛ ВИДЕЛ
– Идиот!
– Заладил
– Заткнись!
– Послушайте!
– О слушайте пускай о не пугайся о присядь
о выпей воды о нежная душа колена странствий
дай увлажнить твою святую пыль
прекрасна песнь твоя о говори пришелец
– Тебя благодарят что видели со мной
– Сейчас заснет
– Устал
– Умолк бродяга
– Пускай мне скажут время
– Час который
– Который час пусть скажут наконец
– Я ВИДЕЛ ЛЮДИ видел не засните ВИДЕЛ
– Опять завелся
– Где же телефон
– И сколько? Сколько там? КАКОЕ ВРЕМЯ?
– Сейчас, сейчас
– Одиннадцать часов сорок восемь минут
– Ну нам пора

– Сложи его на кухне
– Где раскладушка
– На метро! скорее!
– Где раскладушка, черт
– Пора идти
– Соседи
– Метро
– А где он?
– Гол, без денег
– Ему давали
– Вот.
– Что – вот?
– Лежит пятак

ПОВРЕМЕНИ О НОЧЬ ПОВРЕМЕНИ СО МНОЮ ПРОДЛИСЬ ЗЕМНАЯ НОЧЬ ПОВРЕМЕНИ

– Как слабы мы, знаете, с этим несчастливым временем
– Совершенно согласен. На темени вечная дырка
– Переплет, ситуация ах, трепанация черепа
– ДДТ говорят ДДТ говорят ДДТ
– На земле королевы МОД проводят измерения
– Изменения микрочастот колебаний бесстыжая плоть
– Но карается, знаете
– Все не предашь юрисдикции
– Становление

– Структуры, их самоорганизаций
– Однако погода
– Да, да как там в этой хе, хе что про физиков
– Однако погода мы встретимся на конференции
– Конфискация солнца за счет конформизма... но поздно
– Но время
– Да, время. Я знаете ли...
– Поздно батенька, поздно
– Да так я... пустое чудачество
– Жалко нет телефона плюс минус тринадцать секунд
– Однажды я видел
– Когда, простите?
– НЕ ЗНАЮ
– НУ ЗНАЕТЕ ЛИ... Сколько на ваших
– Одиннадцать часов сорок восемь минут
– Не забыть бы пятак
– Валяется
– На счастье
– Прощайте

ГДЕ В ЭТО ВРЕМЯ ПОЛНАЯ ЛУНА ИДЕТ НАД ОТДАЛЕННЫМ СВОДОМ

Здравствуй сударь батюшка
Здравствуй светик дорогой
Сударь-светик дорогой ты у нас теперь постой
Ты у нас теперь постой наше сердце успокой

Наше сердце успокой
Свет наш батюшка родной
Выпускала сокола из правого рукава
ты лети мой сокол высоко и далеко
пяточек пяточек куплю редисочки пучок
Калина красная.
Калина вызрела.
Я у залеточки
Характер вызнала.

– Войдите.
– Садитесь
– Я видел.
– Где?
– Я видел. Там. Его.
– Не ошибаетесь?
– Нет. Друзья. Я поцелую.
– Сейчас?
– Нет, лучше после. Переводом? в какое время?
– Телефона нет.
– Ну хорошо. Вам тридцать?
– Вроде мало...
– Идите, после
– Я сейчас оденусь.

ЗВЕЗДЫ О ВЫ ЧИСТЫЕ ЗВЕЗДЫ

– Тургенев между нами не писатель
– Действительно, ну и текст

– О чем он пишет в наше время
– Так незатейливо
– И звезды – так нелепо
– Старик, несчастный немец
– Безумная слепая мелодрама
– Пятак цена такие сантименты
– Не открывают. Где же дежурант?! Кому звонить?
– Сколько времени?

ЗВЕЗДЫ О ВЫ ЗВЕЗДЫ ЧИСТЫЕ ЗВЕЗДЫ

Так. Начинаем. Кто у нас петух? Костры и воины.
Опять накала в лампах... Где светофильтры?
Женщину сюда! Я вам, который с сигаретой.
Ну, начали

ТВОРИ ЗАЧЕМ ПРИШЕЛ

апрель 1974

ПИСЬМА ТОМАСА МАННА

ПОЧЕМУ?
СКАЖИТЕ!
ПОЧЕМУ
ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ
ПОЭЗИЮ?
1. Почему вы не любите поэзию?
116. Вы любите поэзию – нет.
124. Вы не любите поэзию – да.
Нужное подчеркнуть
нет да нет да нет да
Нужное зачеркнуть
Что вы читаете?
По вечерам – какое мыло
Что вы читаете
СКАЖИТЕ
ПОЧЕМУ?
Потому что и так
Потому что и так слишком
И так слишком мало
И так хорошо
И так плохо
И так никак

ТИХО ВОКРУГ
ТОЛЬКО НЕ СПИТ СОВА
ТРУДНО УСНУТЬ КАК ТРЕЩИТ ГОЛОВА
ВОТ И НЕ СПИТ СОВА

Вы читаете детективы?
Чао!
Да читаю
Только их
Ничего ПОДОБНОГО
это не литература
Я не читаю
да—нет
Нужное подчеркнуть
НЕТ
ДА
Всю ночь не спавши
А наши бабушки
Прабабушки-то наши
С романов плакали
Слезами в кружева
ДЕЛО В ТОМ
МЫ СПИМ ГОЛЫЕ
Совершенно голому человеку
Неудобно сентиментальным романом
Ему не идет
Ему идет педикюр
Ему идет детектив
Ему идет ветка персика

диск
маг
риск
секс
ЕМУ ИДЕТ КЕКС
ТИХО ВОКРУГ
ТОЛЬКО НЕ СПИТ ЖИРАФ
ТРУДНО УСНУТЬ В ОГНЕ ЗАПЫЛАВ
ВОТ И НЕ СПИТ ЖИРАФ
УХ СКУКА
УХ СКУКА
УХ СКУКА
МЫ НЕ ЧИТАЕМ
МЫ НЕ СТРАДАЕМ
МЫ НЕ ПИШЕМ
МЫ НЕ СЛЫШИМ
о
Мы не читаем Жуковского
Мы не читаем Маяковского
Читаем не Помяловского
Гарина не Михайловского
Мы любим великого композитора Айвазадовского
(Из детской анкеты)
ГОМЕР
ГЛАВНЫЙ СЛЕПОЙ
ГЛАВНЫЙ ГЛУХОЙ
ТОЛСТОЙ
Так что же нам делать
С литературой
Факта?

Факт культуры отсутствует
Он умер вчера в обеденный перерыв
Черт с ним
Читайте прозу
Чайку
Джонатан Ливингстон
Не хотите –
Не надо.
Кончаем писать стихи
–
На небе парус белой показался
Тот дальний парус полный сил
Был он прекрасен тем
Что сщастлив был когда-то
Он видел бурю
Ну и что
–
Ну его к
и к
и к
и к
кончаем
кончаем
стихи
ПУШКИН ПОЕТ А У ГОГОЛЯ НЕ КЛЮЕТ
День кончается поворотом
начинается ночь позолотой
Когда луна
Приходит за ним

У свода дороги
Переплетая золотом
Страницы облак
Слоистые стены
И мрак
на дорогу
Касаясь черными крыльями
пыли
спускается
капли сны дерева
У моря маленький хутор
ЗАХОДИ СЛЕВА ЗАВОДИ ЗАВОДИ ПОД РЕБРА
ДУШУ ЕЕ В ДЫШЛО
Касается ночь дороги
когда золотая луна
тревогу угасшего дня
Над скрижалями мрака подъемлет
Дремлет
Маленький хутор
перловицей
у моря
о горе
златое письмо облаков
их слоистый покров
НАД ПТИЦАМИ НОЧИ
КУДА ГОВОРЮ ПРЕШЬ КУДА ЛЕЗЕШЬ НЕ ЗНАЕШЬ
ЧТО ЛИ
Ну-с а при чем тут Томас Манн?
Великий гуманист Т. Манн

брат менее известного гуманиста Г. Манна
Сын человека Манна
Друг человеков Манн
Откушавший манну Манн
Голоса свыше запанибрата
С дьяволом бывший и с распятым
Заодно же он умывший руки
Манн ОЦЕНЕННЫЙ по достоинству
Потерявший треть состояния
В травле вынужденного изгнания
На родной земле умерший
В произведениях своих воскресший
ПРИ ЧЕМ ТУТ ОН?
Не при чем тут все остальное.
Но я тоже хочу
Конфорту.
Я хочу обстоятельно
Описывать Божьи игры
Описывать приличного
Сдержанного кастрата
Орудие провидения
Без орудия производства
Послужившего орудием воспроизводства
Столь почтенных ныне колен
Его неистовую жену
Ее фруктовые ножики
Семь коров тучных
семь коров тощих
Житницы фараона

Войну с Китаем
Все это и я знаю
Как знал он Прекрасный
Как подразумевал Великий
Гуманист и Манн
Высасывая из Торы
Многие томы.
ЗА МНОЙ ВПЕРЕД
НА ЭТОТ ПАРНАС
На этот Олимп
На этот Монблан
На этот Айсберг
Вершину Килиманджаро
Покрытого снегами
Чистейшего Высшего Духа
За ней уже нет
Никакой поэзии
Ибо как известно у структуралистов
Проза сложнее и производнее
За ней уже прямо
Пропасть
В пропасти куча Игв
Пожирают гаввах
Шевелятся уицраоры
Там
Кончается литература
Кончается живопись
Кончается культура
Завывает Крученых

Бедный бедный Казальс
Бедный Ростропович
Бедный Великий Шостакович
Бедный распятый Тищенко
Бедный бедный бедный
Там край. Там край бледный
Там
Конь блед
И ОН
На этом коне
Вот он
Манн то-есть
Сидит на ледяном троне
В ледяной короне
В его сухой
Теплой ладони
Маленькая паллада
Знает что надо человечеству в целом
Кто пролетел над гнездом кукушки?
КТО ПРОЛЕТЕЛ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ?
Аполлон
Купидон и прочие
Вдохновители и просветители
сонм из ма-а-леньких муз
Аккурат девять дев
лев телец и орел
все шестикрылые держат престол
И прочие серьезные символы
Фигуры и умолчания

Это ужасно!
Он умер в кресле-качалке
В больнице надеясь
Довести свою прогулку
До трех четвертей часа
Отвечая на сотни писем
Как не стыдно
Идиоту и графоману
Даже невозможно сравнивать
Вклад в великое тело культуры
На-ко на-ко перо
И пиши
Доктора
Фаустуса
А мы будем посмотреть.
Где он отобразил
Взвесил и
Изобразил
Трагедию Германии
Колыбели Гуманизма
Колыбели Социализма
Колыбели к несчастью фашизма
Он честно
Он правдиво
Он не отрекаясь
Он безжалостно
Он разяще
Но ведь
Тайного советника

И.В. Гете
Тоже ведь
Не сбросишь со счета
Вот именно
как это там...
Теория без практики мертва
Но вечно зеленеет древо жизни
Эта штука сильнее чем Фауст Гете
Любовь побеждает смерть
Что!!!!!
Вы сошли с ума
Не трогайте
Руки прочь от Великого Олимпийца
Он умыл руки
Он отряс прах
Он не имел ничего общего
(кроме гуманных целей)

С НИМИ
Ужас!
Как вы могли
Как вы можете!
Вас гложет
Зависть
Комплексы
Фрейд
Пах праха прадедов
эксгумация
эксгиби... ингиби...
экзистенцинуегонализм

Вот.
ОН ЧИСТ
ОН ЧИСТ ЧИСТ ЧИСТ ЧИСТ ЧИСТ
ОН БЕЛ БЕЛ БЕЛ БЕЛ БЕЛ
ОН МЕЛ
У него чистая шея
И белый воротничок
Так он и умер
Благой
Не замаравши
Ни одной пеленки
У него всегда
Слышите вы!
Всегда
Были чистые руки
И белый воротничок.
И кончайте ваши вонючие каламбуры
Брюки
Он носил черные
Не отдадим
Манна
Родину
И Бедную Любимую Маму
Да
Дададада
Верно
У него была опрятная
Пристойная чистая горничная
Поджарая курносая ироничная

Приличная
Она заботилась об этом особо
Эта особа
Брала большой баннопрачешный бак
Химический чистый отбеливатель
Мало – большой комбинат
В Кильхберге – на цюрихском озере
Мало – штат Калифорнию
Берет она в крепкую руку
И драит прекрасную палубу
Белого воротничка
Над которым летают
Чайки Эмили Дикинсон
Труби, Майданек!
Труби в большие трубы!
Труби Освенцим
И прочие менее
Каждому свое!
Ее тощий хребет в движении
Коса замечательно прыгает
Ключицы скрипят
Суставы работают
Она
трет трет и трет
Ворот Великого Гуманиста
Простившего Германии
Великое недоразумение
Вона какие
Нонче пошли трагедии:

Жену заставили
Растлили в церкви напротив
В то время как
Церковь за углом –
Та самая
В которой крестилась малютка
Как это ужасно
Я сяду на мостовую
На теплый асфальт
Еще теплый от теплого пепла
Пусть одуванчики
Смеются
Рыхля тонкий прах
Праотцов авраамово семя
И правда
Разве это люди?
Каждый бежит
Непристойного грязного зрелища
Эти стада
Голых серых уродов
С огромными и вялыми
Половыми органами
Разве в них есть
Что-нибудь
От высокого духа
Томаса Манна
Они не могут отличить
Баню от крематория
Где уж им читать

Иосифа и его братьев
Ни один из них
Не вспомнил Великое Имя
Аполлона-Феба
Кто из них может
Назвать девять муз
И решить лукавую задачу
Из мифологии
Почему
Почему была слепа
Богиня памяти
Мнемозина
Их прах
Это правда – прах
ПРАХ
И ничего больше
Многие из них
Это прах семей и родов
И даже памяти близких
Лишен по глубокому умыслу
Лукавству
И милосердию
По прекрасной мудрой иронии
Столь знакомой Великому Гуманисту
И. В. Манну
Некому собственно плакать
Стоны ООН.

С неба дождь полил легонько
Все нахмурилось тихонько
Все звенит как колокольчик
Вон там капелька упала...

Хватит об этом
Хватит об этом
Хватит

Вася!
Ты не забыл выключить центрифу-у-у-у

Ууу проносись проносись
ТО НЕ ВЕТЕР не ветер не ветер
Осень засохшее сердце и листья не ветер не ветер
ВЕТКУ но день не приходит
но нет не приходит обратно
КЛОНИТ ночь поворотом безмолвным
и ночь поворотом безмолвным
НЕТ НЕ ДУБРАВУШКА нет не дубрава не ветер
ОХ НЕ ШУМИТ не шуми ты моя не шуми моя матерь
ТОЛЬ НЕ МОЕ толь мое о возьми меня снова
СЕРДЕЧКО возьми мое сердце и дай мне подай мне
забыться
СТОНЕТ ох стонет ох ночь
КАК ОСЕННИЙ
КАК ЛИСТ-ОТ ДРОЖИТ.
Стук. Я открою. Не время. Не двигайся. Время
Стук. Я пойду. Это время. Не время. Откройте!

Стук. Кто к воротам. Не бойся. Не двигайся. Время
Стук. Это ветер. То время. То ветер. То время
Люди откройте любовь
это память не надо
Откройте
люди то памяти бремя
люди откройте любовь
Любим. То ветер. То ветка
Ладонь озаренная дымом
Ветер и Ветка и Верность
Ключ у калитки холодной
В темной росе озаренный
Чистого озера ключ.

1976

* * *

Крупной солью
Стол пустынный
Мне посыпал
Друг сердечный.
Тихим вежеством старинным
Я ответила конечно
Нет не болью
Нет не горем
Но внимательной беседой
Заключила этот вечер
После позднего обеда
Вот уходит оглянулся
Вот пошел своей дорогой
Ну а я сижу и стыну
Возле низкого порога

И пока по чайной ложке
Продает меня с друзьями
Понемногу понемножку
Гаснет свет в оконной яме
Гаснут луны
Гаснут звезды
Гаснут весны
Гаснет лето
Гибнут горестные сосны
Перестань же Боже это!
О верни вчера мне отче
Пронеси коль можешь чашу
Но пылает солнце молча
Дальше мчит планету нашу.

* * *

Что же бедная коровушка
Одинокая коровушка
Дом наделала из веточек
Зайцы в небе кувыркаются
И коровушку расспрашивают
Ты соломенная вдовушка
Али солнышко напарило
Посмотрите-ка – коровушка
Словно галка копит веточки
Может дом уберу
Может деток заведу
Стадо все ушло по стойлышкам
Сыч на пне глазами лупает
Спи-усни моя коровушка
Может дом уберу
Может деток заведу...

1973

СЦЕНАРИЙ

Лихорадочный ритм нашей жизни редко позволяет нам вспомнить о чистых полных света пейзажах Рокуэлла Кента и Николая Рериха. Мистика в мире повседневном давно уступила место статистике. Окунуться в мир волшебных превращений можно, посмотрев новый фильм студии "Эксперимент", который режиссеры — они же сценаристы, — известная поэтесса и феминистка К. Унксова и молодой популярный рок-композитор и поэт А. Изюмский назвали необычно: "Сценарий красивого фильма".

Поэтический опыт создателей фильма сказался на настроении и сюжете этой пронизанной музыкой и страстью мистификации. Работа актеров (в главных ролях — А. Изюмский, К. Унксова и О. Слиозберг) помогает поверить в реальность необыкновенных приключений, выпавших на долю героев киносказки.

...На маленькой, затерянной в горах метеостанции работает прекрасная девушка, разочаровавшаяся в любви, не нашедшая себе места в шумной жизни городов. Красота ее необычна, необычны и свойства души — они близки к тем качествам, которые теперь обозначаются модным термином "экстрасенситивность". По этой или по другой причине на метеостанцию забредает заблудившийся в горах поэт, который решил на снежных вершинах найти успокоение от обуревающего его душевного смятения. Нетрудно предсказать дальнейшее развитие событий, но однажды...

...Не докончив песню, поэт внезапно выходит из хижины. Встревоженная девушка видит короткую цепочку следов на снегу и — необозримое белое пространство вокруг.

В это ли самое время, неизвестно, двойник поэта или сам поэт знакомится со знаменитой поэтессой. Девушка в поисках любимого встречается с ней и другими его друзьями. Но — кого они все время пытаются настигнуть, кто ускользает от них все дальше и дальше — поэт, его двойник или молва о нем, доносящая до любящих сердец разные невероятные слухи?..

Кинофильм получил специальную премию международной ассоциации мистиков в г. Сан-Пауло, Бразилия, в 1987 году.

I

Сладкая песня Сирены
Пойдем со мной необходимый гений

Иначе улечу
Или прощай
Или растенье
Ах сладко сладко сладко
Шоколада
Не ем отныне
миг страны прощай
мир времени прошел
Настали ночи
Поминовений
Боль
Не можно пережить такая сладость
О сахарин отверженных ночей

Недоумений жилы на плечах
На встречах рай
На Родине звезда
Люби меня хоть сколько-нибудь дом
Мой град люби шаги мои сегодня
Не то подкова улетит и гвоздь
Люби меня молю случайный
Выбор
О Гость о сладость о вечерний
Чай
Свеча на ветке странного растенья
Необходимо или угадай
Сладкоголосый рай уходит в землю
Завтра уйдем мы в землю
Канет последний час
Тело земля приемлет
Не для нас
Не для нас
И полетит над морем
Светом живым дьша
Нерасторжима горем
вдаль душа
вдаль душа
Белой подобна птице
Кругом за круг чертя
Там на волну ложится
вслед черта
вслед черта
О милые вы мне необходимы

О милый мне сады необходимы
О милый голода необходимы
О милый наступили холода
Необходимы грады веси море
Необходимо милый наше горе
Нет птиц.
Нелюдимо море
Крот трогал гром.

1978

II

Писать сценарий или погодить?
Шикарную историю Поэта
и Девушки на фоне площадей
Фонтанов парков скверов и вокзалов
Описывать их бронзовое тело
Все в каплях вод их волосы и ночь
Весь этот вздор такой опровержимый
Несносный с точки зрения времен
Но посмотрите! Сказка обрастает
Невнятной плотью. Даже наяву
Еще красивей. Ведь на самом деле
Они встретились на вернисаже
Две необычайно талантливые
И совершенно недоступные
Художницы и поэтессы
Расписали это платье

Цвета ночных бабочек
И назвали этот жреческий наряд
" . . . . . "
Он был сшит из старых простынь
Длинный балахон
С широкими рукавами
И в довершение изыска
Проказницы хорошо знали офисьель и фамшик
На нем просвечивали маленькие дырочки
И следы старой штопки
Туфли были детские, Катькины
Зато крошечные.
Густые длинные волосы
Невозможно было уложить
На веках блестели
Влажные темные тени
Лицо без косметики
Мрачно-приветливо
Однако на самом деле
Ей было около сорока
А нашему лирическому герою
Не было и семнадцати.
Но в литературу
Все это не укладывается
итак, все было по-другому:
Он был мессией уже в 14 лет
Когда-то Ани Безант
Ученица г-жи Блаватской
Взяла его из бедной брахманской семьи

И воспитала в Английском колледже
Ему подарили
Замок в Шотландии
И он проповедовал там
Вместе со своим братом
Потом брат его умер
Толпы стекались
К подножью нового храма
И прекрасные строки
Экстатических песнопений
О Верности Учителям
О Единственности Пути
Записывали за ним
Женщины прекрасные леди
И маленькие дети
И утешенные старики
Вытирали слезы
И утешались вдовы
Но однажды
Нет, это опять история из жизни
Она неправдоподобна
И никуда не годится
Вернемся к нашей истории
Начнем ее
Наконец
С длинного тела купальщицы
Прекрасного тела
Современной наяды
С него

Который
Поворачивает медленно голову
И медленно откидывает
Мокрые волосы
  бледного
С загорелого лба
  смуглого
Любой клюнет на этот башмак
На этот кусочек старого сала
Ведь никто на всем белом свете
Не может правильно полно и квалифицированно
Удовлетворить свои сексуальные потребности
Распространяющиеся как известно
На тактильное чувство (капли воды на коже)
Обоняние (запах моря зелени и нагретых волос)
Зрение (бронзовый цвет загара и алые губы)
Слух (рокот прибоя невнятные стоны и птицы)
И на нечто что мы отнесем
К области метафизики
И не будем здесь затрагивать.
Ну ты спала пока меня не было?
А это что за текст?
Какая ты умница
Почему ты моешь посуду?
Ты должна сидеть в цветах
В философском саду
И к тебе должны допускать
Только самых-самых продвинутых паломников
По одному в год

А Пушкин тоже мыл посуду
Наверно это тоже выглядело смешно
Ведь он что-то там делал
Спал или например бранился
И окружающие разочаровывались
Как например я
Дорогая, ты совсем не умеешь работать вдвоем
Мы вчера договорились
Если бы не эти чертовы джинсы
Аптека и магазин
Я бы написал это сам еще вчера
Мы же договорились
Снег. Мятель
Отроги Гималаев
Или там Памира
Он и она
Пламя костра. Палатка
Ну хорошо, метеостанция
Действительно, от палаток тошнит
Она берет гитару
Он поет Сирену
Пойдем со мной необходимый гений
Не будем дорогая больше спорить сегодня из-за
фолк-рок
Я порядком устал
И надо дописывать.
В это время наверное
№1 Они продолжают бродить по окраинам Гвалиоры

№2 Он впал в великую меланхолию после смерти брата
и отказался от своих земель
своего замка своей паствы и своих слов
№3 Их руки медленно соединяются на черном борту
лодки
Значит так: Расширенные завораживающие глаза Ее
Он встает и медленно выходит
Скрип двери
Может быть, собака
Встревоженно поднимает голову
Ее шерсть на загривке дыбом
Несколько следов на снегу
Мятель
Звуки голоса и ревербератора и рок-группы
Отлетающие в пространство

27 марта 1979

III

Минувших дней опальная чреда
Как издали ты нам непредставима
Проходят мимо злые города
Истаивают и проходят мимо
Вместе
Вместо
пока непредставимо
Пока не поставлена точка
Не выкинет нас из квадрата

Катапульта полей
Не кидает обратно в лазурь
Этот пахарь оратай за ним задымилось
А он
Сам не ведая то
Проходит твердыню лазури
Голубой и рассыпчатой в прах рассыпается белый
Высыхает и вновь голубеет напитанный слабым дождем
До земли не доходят его
Легкие капли
Чаша эфира
Это гретое сакэ
Три покойничка выпьют на крыше
Духи
Разговаривают степенно и вежливо
Крыша поката
Им легчайшим она нипочем
А тело сползает
И страшно
Медлит зфир на губах
Покато
Пьем за здоровие душ
Легкий и медленный дождь
В небе проходит
Но даже на крыше тепло
И сухо
Хоть пахнет травой
Даже нет вечерней росы
Непонятно сколько времени

И когда закричит петух
Они сбились
И голосят как попало
Богатые молдаване
Жгут в курятниках
Ртутные лампы
Куда же ты уходишь кто с позором
И со стыдом любовью и вином
Так празднично прошел и с отвращеньем
Так гадостно с такой глухой тоской
Так мимолетно так к себе остынув
Борец и трус интеллигент и вор
Породистый плебей
Такой красивый
И слабый
Ты еще зовешь меня
Протягиваешь руку с этой крыши
И о долгах каких-то говоришь
И указуешь на вечерний дождь
Не достигающий земли
О детях просишь
Я люблю когда темно уже в партере
И открываются неслышно двери бенуара
Проскальзывает тень или мужчина
Пахнет старым бархатом
Дорогими духами
Предвкушением жизни
Нежитью и нетопырями
Шоколадными конфетами

Апельсиновыми корками
Легким потом
Парадного вожделения
Лаком тесных туфелек
Холодом золота
Кружевами и пылью
Я люблю только это
Фаготы и тихие трубы
Рев приглушенный
Невзнузданных скрипок
Распущенных виолончелей
Мягкие угрозы контрабасов
Пока на пульте не зажгется свет
И обсыпанный перхотью дирижер
Не погонит стадо оркестра
К водопою постыдного действа
И скука легким щелчком
Откроет черепаховый веер
Запах пластмассы и сыра.
Так я любили любим навечно навечно
Запах красок сырых
Растворителей
Повспоминать о прошлом
С поспешной молитвой на лбу
Ты зарыт в случайной могиле
Что же ты делаешь на крыше
Зачем пьешь сакэ
Петух пропел
Где?

Нигде.
Обитающий прав, но ему никогда не случится
Ответить на этот вопрос
Месяц мелкий и тонкий
Немножко сочится Он прав
Прав он прав
Драгоценные люди
Так что же с вопросом?
По волосу капля стекает
Любимому негде приткнуться
А сколько погибло людей
Боже мой
И еще собираются гибнуть
Ищу ответа в каменных затеях
Особняки привстали в переулках
Их вид прекрасен формы неподкупны
Они замысловаты и мертвы
Нет устали в мерцании коробок
Нет в хижинах миров.
Родился месяц
Как будто кто-то будит постоянно
Как будто кто-то бредом истолкован
Напрасно где-то берегом бредет
Кому мы братья?
Где уста и уши?
Мы братья черным птицам и воронам
Господь, спаси покинутые души
Когда судьба руки не отведет.

НОВЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Памяти Евгения Рухина

1

Когда мечтаем мы
Мечтаем вопреки
Мечтаем рядом
Все равно мечтаем
Я думаю: Горит она Печаль
И тяжкий пепел падает на плечи
Гори гори высокая как сон
Как ливень жги
Бросай навечно губы
Пожары труб залей заледенев
Ни в бытность королевой, ни теперь
Не отдала ни одного заклятья
Разбойники на ржавые ключи

Закрыты намертво грызут навечно цепи
Зачем тебе?
О встречах говори
Раскрой скорее
Они теперь вороны
Шумя перьем там канули внизу
Зачем тебе?
Мети сырые клети
Вот перышко вот лапки вот зола
В том зале свет которого немного
Служанка подает, она садится
Она встает, служанка уберет
Она скрипит пером, она же спит
У ней в ногах, и сны ее приветны
Ей милый снится. Милый видит сон
Их руки влюблены, тела отдельны
И зыбкий свет проходит по стене

2

Когда взметет
Когда расплачет
Дождем
Тогда убитый ты
Со мною вспоминаешь детство
Невесту прежнюю. Ушел
Но как оставил вдов и домы
Ушел. Но ты уже знакомый
Со мною вместе строишь дом.

И там ты весел неспокойный
Но прозорливей может быть
И там ты мне поможешь плыть
Через поваленные томы
Наверно ты родился жить
Уже у матери быть может
Над розовеющим лицом
Ты забываешь этот дом
Огонь и дым тобой несомый
Стальных ступенек лязг и гром
Любимый припади к соску
Непентес пей. Глотай забвенье
Верни мое стихотворенье
Молочным крошечным виском.

3

Невеста плечи разозлив
Себя выкидывает в ужин
Опять попала на причал
А думала навек не встречу
Виват младенческий язык
Нам наслажденье называний
Названий краткость
Мощь вещей
Нам довернувший до порога
Какая краткость. И печаль
Последних встреч неозаренность
Моя печальная склоненность

Твоя внимательная даль
Молчание вино и горс
Моление вина и вскоре
Разлуки сталь. Стена и сталь.

4

Дом полон мощи
Облак дым
Разверз крыла летит на крышу
Деревья рдеют
Слышу –
Купол
Огонь купание и свет
А выше ты
Огонь. Обет
Ты бросил камень в высоту
в мои протянутые ветки
Дорога.
Простынь полыхает
Белье торжественно гремит
Люблю.
Меня никто не знает
Мне мальчик здравствуй говорит
Невеста.
Сон ее спокоен
Просторен
Гости голосов
О сладкий клен

Скворешня
Мячик
Вот шар клубится у виска
Святая медленно и бело
Осанна
Животворно тело
Как пес лядащий лижет труп
Так друг твой ничего не значит
Где мячик небо и пастух.
О красный крик
Пространный круг
Моих волос святая алость
Как много маленьких подруг
Как мало дерзости осталось
Не вместе мы считаем дни
Одна я дни свои читаю
Я на заре с востока, с краю
Вот только руку протяни
Клади. Душе моей не больно
Засыпь камнями. Все. Довольно
Теперь хоть издали взгляни.
Курганы довернут луну
Ты приступаешь к новоселью
Я – к тризне. Мрачному веселью
Я помяну меня одну.

5

Клад вдовушки
Ау, скворешник леса
Кидает друг –
Другой заледенит
Напрасны дуги
Мертвенного света
Когда печаль на сердце медлит медлит
Дуга сосны
Над морем длит стрелу
Две истины
Напряжены и спорят
Стоит игла и время нить не шьет
Моря не бьют волной
Замедлен облак
Отчаянье не горе а беда
Окрестности обугливает вечер
На черном дне соломинка
Верблюд
Раскинул драгоценные копыта
Не пьет не ест
В проломленной спине
Струится червь
Струна ее пробита
Осеннее предместье. Сестрорецк.
Когда красавица
Померкнет и уста

Облепят мухи
Их живая зелень
Переливаясь на тугих мешках
Защечин и фасеток сладкий выпот
Испьет
Тогда последний поцелуй
К тебе протянется
Живая благодарность
За осторожность матери твоей.
Ну а пока
Две-три букашки вверх
Еще ползут
Инейные узоры
Отпотевают утром
Лук горчит
На огороде тужится капуста
И яд грибной переполняет лес
Осенний ледостав еще не начат
Озимые еще не поднялись
Среди зимы – что значат в нас надежды.

Осеннее предместье. Сестрорецк.

6

Этот яркий клубок
Шар игрушек идей и друзей
Горизонт довернулся открылся до самого рая
Ты дружок

Отпустил лебедей
И они пронеслись над купелью крича и играя
Ну а мне
Только руки твои на краю
Где-то горько плеснули на тысячу весен
О прощай
Не забуду могилку твою
Не забуду могилы твои среди тысячи сосен
Горицвет
Распустился зацвел и отцвел
Раскричались вороны запутались синие галки
Алый шар
Красный шар опустился в костер
Загорелись замкнулись за ним одичалые палки
Догорайте вороны дымись и разбейся и тлей
Птичий клей для судьбы не годится надолго не хватит
На горе завивает хвосты ослепительный змей
Под горой собирает ехидна зловещие рати
Пей забвенье душа только лунную ночь не забудь
Только дочь подними разомни разноцветные муки
Только горлышка всклянь опрокинь у заветной
груди
Только стрелы дорог положи у заветной разлуки
Не щади ты меня
Ради Бога меня не щади.

7

Кличут черные вехи истыканы клювом дороги
Провели золотую черту неслиянные сны
Если ты
Начерпала войны и тревоги
Это значит
Горят за тобою мосты
Любо любо ах любо стоять на погосте
Что за стынь за покой за простор за ответ за беда
Возвращайся скорей, возвращайся-ка милая осень
Золоти поскорей купола возвращайся сюда
Воробьи вылетая из печки таково огонечками машут
Таково-то летают красиво таково загораются влет
Что же нам почерневшим от трудных недатливых
пашен
Что же нам не дается такой ослепительный взлет
Самолет воздымается выше и выше и выше
Все нам легче прощаться руками махать веселей
Все нам легче глядеть на пробитые жалкие крыши
Все нам легче снимать сладких уст медовуху и клей
И пока по садам и дорогам полощется осень
Полотенцем мы примем холодный и яблочный Спас
Вон уходит цыганка. Никого мы в дороге не спросим
Никого мы не спросим ни о чем ожидающем нам.

8

Клади сюда
Не бойся, не блестит
Щелчек закрылся щелочка зажалась
Еще поводит иногда нога
И зуб на губы шелестит слюною
Ну мертв вполне.
Конечно я не врач
Но врут врачи.
Раскапывают много
Кто знают те молчат
Наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни
Науку географией зовут
А нам биограф больше интересен
Ну положил? Опять забыл изюм
В кутью заправить воробьи склюют
А ворогам мы не дадим салату
А творогом завернутым в блины
Накормим бабушку. Куды как любопытна
Все тянется. Не урони свечу
Бабуся, эй! Ты не туды залезла
Болезная, раздавят ведь поди
Полы вот лучше в доме у вдовицы
Замой как следует. Там правда ничего
Все угольки, а липкое отстало
И высохло цветное. На прямом

Нашиты метки, прачешна дымит
Проходят инвалиды по дороге
И слез не утереть, а надо жить
И кашу утром сладить и сварить.

1976

9. ПОКИНУТЫЕ СВОДЫ

Я кинула пятак подальше от дороги
И кинулся пятак повыше в вышину
Но солнце прошлое меня не замечало
Его – тем более. Причал был темноват
Истоки прошлого вполне не отгорели
Яд источался. Внутрь была его игла
Разлука безнадежностью губила
И слов твоих умершие тела
Уже не замечали уст и слуха
А вдаль текли плеядой облаков
Их женственное тело истончалось
И таяло о смерти нить ведя
Ах, неужели никогда не встречу
Я прошлого и школьницей не быть
Строптивости и выспренных надежд
Слепая жертва, снова ослепив
Свои слова, тебя я прогоняю
Всегдашней неуместностью. И вот
Лишь облако и путь его далек
Где от инфарктов умирают други

Мне места нет. Уже разрыв-травой
Не залечить. И ужас мухоморов
Необходим как одинокий бред
В том совести а в том и смысла нету
И ничего я не ищу по свету.

Я кинулась еще тебя искать
Но галка лишь струила по дороге
Перья атлас. Закат еще не гас
Но вечерело. На корявой свалке
И новостройка в цаплях уходя
За угол постепенная мрачнела
Я кинула за мельницу. Чепцы
Застряли в палочках, забились
Забелели и ожерельем мыльных пузырей
В лазури потекли до разворота
Полопались. Альтаузен сплоховал
А я конечно ничего не помню.
Я канула. И поиска печать
Меня ввергает в горе. Повсеместно
Столбы горят. Не застолбив не взмыть
Столпы пылают
Скатертью дорога
Урок окончен. Поиски вдали
Пошли кругами. Лебединой выей
кричат закаты. Зрелище дымит
Как змей зачатый в муках исподлобья
Но я тебя нигде не нахожу.

Я кинула тебя но ты воскрес
В окрестностях предместья на погосте
Предмета на окраине, примет
Увы без времени, и внешне –
Ни минуты у нас с тобой и не было увы.

Ох не сносить головки нам с тобой.

Перед тобой лохматой Драупадью
Но ложью я не понята
Досуг мы не делили, связи повилика
Нас путала увы еще разок
Все карты биты елочка сверкает
Недостижимо желтый ворожит
Твой чистый цвет на дне голодных взоров
Им чистоту вменяя и прощай.
На май надеяться нельзя
Коварен облак
И в рамке грома полыхает свет неверных дней
Ты ничего не значишь
Еще увы Но ты еще заплачешь
Улей сыт, и я дружок.
Но плеч не нахожу а поворот прошли не замечая
Отчаянье не горе а беда
Уйду скучая.

Я кинулась в траву но соловей
Уже упал. В покинутые травы
Легла роса, утяжелив листву
В коре скрипело. И занемогало
Все дерево от соков разомлев
И смутная от множества очей
Его душа ловила на минуту
И отпускала тени облаков
Их забывая и устав от взглядов
Бессмысленных как стужа и цветок.
Еще не стало ядом поднебесье
Души. Еще совсем надежда есть
На множество минут. И скачут миги
Как мотыльки над лужею луны
Среди зимы – что значат в нас надежды
На дне густеет маковый отвар
Но нет души, а несомненно – пар.

Я кинула стрелы, а Спидола –
телом ресницы
Мела поднебесье
Она же примерная ведьма
Взяла помело и намазала метлы вареньем
И взваром отменным натерла упрямую шею
Белок закатился.
Сверкает весельем и мраком
Открытый зрачок
И все шире захватом тревожа
Там множество зайцев бегут

По полям разливаясь
На вздутых плотинах шевелят голодные горла
Ревут водопады
Последние реки свободны
Осенние охры
И сныть пожелтела и чахнет
Осенние охры и Порох(овые)
И Охта
Грязна под снега убирает подвалы и трубы.

1977

ЭПИТАФИЯ ПОЭЗИИ

Что может быть еще нежнее речи...
Нежнее речи – может – сопряженье
Нежнее слова – может – напряженье
Необходимой тяжести слогов.
Я много лет веду его по кругу
По кругу угасающего жанра
И все еще пылающая мера
Мне стойким жаром застила глаза
Глаза души. Лесные очертанья, –
Казалось мне, что ими правит случай,
Но вдруг затренькала лесная птаха
С дороги ей транзистор захрипел –
И стройное покинутое русло
Забрезжило русалочьим опалом
Забрезжило как омуты Куинджи
Растаяло в предсмертной красоте.

Прощай, Поэзия! Не мир тебя подъемлет
Но меч поставил сторожем дороги
Там где – вдали – кончаются тревоги
Взаимопроникающих границ.
Всесилие твое увы ничтожно,
И я последний возлагаю камень
И может быть прекраснейший последний
Дабы уйти под хрип и пенье птиц.
Прозрачней слез и теплым словно сердце
Он будет стыть пока проходят годы
Он будет стыть но привлекать вниманье
Ничтожным замедлением души –
И ты прохожий перед тем как птицей
И ты прохожий перед тем как – веткой
По мне минуту эту не спеши.

197

ЛЕТО

Она пришла на яркий пляж
Где правят джинсы и бикини
Зардевшись, платье приспустила
И прилегла на полотенце
Купальник, в общем, был в цветочках
Но ясно, что в эдеме пляжном
Она одна вкусила древа
Плодов, до времени созревших –
Да! Поразительная Ева
Лежала, бедрами белея
Себя явя на полотенце.
Мениск полудня переполнен
Синь неба истово чернеет
Всеяр и страшен солнца иск
И млечны медленные тучи.
Она – ковшом ладошка – дремлет,
И круг невольный отчужденья
Ложится вместе с тишиною...
Забытый мячик мечут волны
Крыть нечем девочкам-стрекозам
И, призатихнув, парни в руки

Из рук песок пересыпают –
Ах, где колодцы, чтобы воду
Такую донную начерпать!
Где косы, чтобы их направить
Где жеребцы, объездить чтобы
Где деньги трудные, чтоб склеив
Их потом, передать хозяйке
Детей – эх, дюжину головок
Где обсчитать шершавой лаской

Слепое солнце – ах и жахнет
По икрам розовой крапивой
Над нею молкнет крик кукушки –
Не по весне, чтоб надрываться,
Вдове ли довод обручальный –
Вот лето, красным и лиловым
Вторую метит половину
И пауки в тени пристроясь
Все ткут и мерят мерят нити
И по-малявински на пляже
Алеет Ева земляникой.

1971

ТБИЛИСИ

навечная боль
беспокойные старые сети

Дорогая Наталья!!! Со мною по-прежнему происходят чудеса и анекдоты, пишу тебе авантюрный роман. Покою мне, покою.

Уже в поезде чувствовался Восток: курить было нельзя. В купе(э?) ехали грузинская матушка, монтажник-высотник и южная краснодарская девушка, уютная и с бойким языком. Было так много еды, что приходилось все время жевать – и отчего это авантюры неизбежно сопровождаются мрачным обжорством? Тюрьма, поезд, гости, дер лав – и полторы пачки сигарет плюс глубокое желудочное раскаяние светлым утром, до обеда новая жизнь с понедельничка, а там все сначала.

Опускаю дорожные приключения, потому что монтажник-высотник заместо бойкой девушки положил глаз наоборот на меня и кончилось тем, что втроем забравшись на верхнюю полку, чтобы утишить робкие причитания Матушки из Древа Желания, мы проиграли в дурачки и прохохотали как дети от того, что полка грозилась рухнуть, а карт в темноте было не видно обе ночи и расстались с сожалением. Дети (высотник и девица) поняли свою ошибку на последнем перегоне и обменялись адресами, а у меня к счастью такового не оказалось, и вот Тбилиси.

Никто меня не встретил.

Сумка моя была как скрижаль каменная, а носильщик за провоз оной 4 шага до остановки такси потре-

бовал два рубли, по 50 коп за один шаг, следовательно. Пока я дозванивалась хоть до кого-нибудь, меня сторожили мрачные мафиози, дружно предлагая довезти до улицы П. за каких-нибудь 10–15 р. (1 р. 23 коп. по счетчику) и преграждали мне путь к такси мощными плечами. Ну в Москву люди ездют не с пустыми руками, но тут надо бы к вокзалу подгонять студебеккеры военного образца, потому что Волги прочно садились на обода и на асфальте возникала колея не хуже, чем в пещерном городе Эеки-Кермен, и я почему-то все время видела упаковку достославного завода Луч, которую сама и обклеивала зонтиками и рюмками в свою короткую производственную практику этой зимой.

Разговор по телефону:

– Нельзя ли Гурама?

– Он в Москве

– Да... ммм... а мне сказали, что я могу ему позвонить...

– Вы из Ленинграда?

– Да, да!

– А нам сказали, что вы вышли во Мцхете.

– Кто?

– Проводница вашего вагона!

– Восьмого?

– Нет, девятнадцатого, сочинского прицепного.

На Мцхету падает звезда...

Проезжали мы и Гори с большим портретом Мао, видели большие кучи сгнивших за зиму плодов во дворах, мужчин со счастливыми лицами около туши быка,

подвешенной на дерево, они там снимали кожу и почти что сняли, маленькие стадочки овец которые по Цхварадзе "жуют траву моих отцов", но овец было по пути значительно меньше, чем портретов и бюстов тирана, покрытых свежей позолотой, и даже скульптура с Мамлакат Юлаевой была тиражирована не менее, чем олени на каждом повороте серпантина в Крыму.

Письмо выходит литературным потому что и жизнь моя здесь вовсе неправдоподобна. О! и О! Сказала мне Света, жена Гурама, пошла горячая вода, как Вам повезло, такого не бывает, потом будем ужинать, да?

Горячая вода была холодной, но потом не стало никакой, вымыться успела, но была еще совершенно мокрой, когда пришел круглый и пьяный мой встречальщик, который с утра встал ни свет ни заря, чтобы поспеть к сочинскому поезду и обойти все вагоны с девятого по девятнадцатый. Впрочем, меня не было и в восьмом.

Увидев меня, прекрасную из ванны, он тут же впал в каталепсию и паралич от восхищения, потом заорав что до сих пор не знал зачем родился включил музыку на роковую мощь совсем не для старых фокстротов и схватив в охапку стал плясать спотыкаясь о медвежьи шкуры на полу. Комната была без мебели, одни полки да шкуры, но торшер он все-таки своротил и подъяв меня в воздух аки Тариэл тигрицу с хрустом на что-то уронил, переломав два ребра. Нет, правда, он что-то там сместил в позвоночнике, два дни потом болело и я всерьез забоялась больницы.

Прибежала Света, и я поняла, где брала уроки мастерства наша подруга опять же Цхварадзе – это надо

было видеть, как она гортанным голосом (а русская!) со сразу проступившим акцентом его унимала: Танцуй со мной, слушай! И как тибе ни стыдна! Что наша гостья падумает! Убью. Сказал он и схватил вилку.

– Напои вином женщину. Покажи себя, песню спой, уже поздно домой пора, посиди дорогой, сечас я Иру позову. Что Гурам скажет, сечас чай будет, уже твоя жена звонила, беспокоилась, сечас ужинать будем.

И вот одной рукой она с ним танцует, другой гладит, третьей успокаивает, четвертой делает мне тайные знаки, пятой разливает чай, шестой кому-то звонит, а на вилку поглядела с такой виртуозной почтительностью и ужасом, что Друг Гурама сразу кинул ее на стол, задыхаясь от собственного великодушия, храбрости и отчаяния.

Он и правда спел недурным голосом два-три городских романса, в которых обрусевшая цыганщина накладывалась еще и на провинциальную романтику да и на грузинский фольклор и на начало века, с ума сойти, какой компот, сопровождаемый приговорами, речитативами и вздохами. После и вовсе поутих и ушел с лицом обиженного дитяти, наутро же зашел извиниться и был всеми с удовольствием прощен и обласкан.

Гурам приехал ночью. Света с одра не встала – лежала с грелкой и ишиасом, и он тяжело похлопав дверьми и потопав, ушел спать к матери, потом вернулся, забыв ключи, тут Света все-таки встала, напоила его чаем не то боржомом, и он ушел окончательно.

Из окна переливались огнями красивые горы, мне было неловко, что Гурам ушел да еще дважды, спали мы обе на полу, что я люблю особенно, а Гурам не

любит мебели. Утром он быстро пришел-ушел, а мы со светиным сыном пошли на базар.

На базаре всего навалом, – редиска, зелень, яблоки, соленья и какие-то маринованные травки, но меньше денег, чем 5 р., тут в упор не видят и красненькие в руках у Светы летали мелкими пташечками, курица например средней величины стоит 10, столько же – два инкубаторных цыпленка, столько же – помидоры и столько же трава, если на кг. Только редиска зимняя 60 коп. килограмм. Картошка и та рубль.

Как жить трудящемуся Востока, просто ума не приложу, если обед воскресный обходится в 50 р?

Вечером Гурам пришел с двумя бутылками экспортной водки лимонной 0,7 и мы с ним принялись говорить красивые тосты. Причем из его периодов вытекало с неизбежностью, что я занимаюсь чепухой (в чем вы все, мои милые, редкостно единодушны), что однова живем, что поэзия тоже обман, хотя и красиво, а что прожить надо от и до и пока зубы целы и силы есть и радоваться сколько Бог даст а там помолиться о мгновенной смерти или уж если не выходит что-то у Творца то и самому о себе в этом смысле позаботиться.

А из моих

Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья
Что их бессмертная семья и т. д.

Так ничего нового придумать не удалось, чем выше в лес, тем меньше слов.

Света сидела беспокойно – человек она искренний и к ритуалам относится недоверчиво, я впрочем, тоже в

них вкладываю смысл по простодушию, в сей стране вовсе неуместному как будет видно из дальнейшего.

* * *

Надменной осенью устал Тбилиси сниться
В себе самом купая отраженье
Богачки полногрудые торгуют
Тяжелым медом около ворот
И осы застревают в винограде
В недлинных косах застревают осы
Течет по подбородку сладкий сок
Как руки ноги все отяжелело
Как будто в медногорлые кувшины
Пролило солнце свой протуберанец
И он затих. Кувшин отяжелел
Не донести до ближнего колодца.
И листопад уже предвидят листья
И надоело парочкам томленье
Мужчинам – поиск, женщинам кокетство
Муслин индийский, вышитые ткани
И алый лак на спиленных ногтях.
Все надоело. Тосты, расставанья
Прекрасных вин потусторонний запах
И тонкий привкус перезрелых яств
Искусно приготовленных утерян.
Арабские и книги из Европы
И украшенья Персии несчастной

Идет резня, и даже телевизор
Футбольный матч, балеты и хоккей.
Устали дети плакать над родными
И вдовы вдруг от траура устали
В перчатках черных на жаре держать
Прозрачные и сумрачные шали
Устали их сопровождать подростки
В прелестных платьицах ланитами сверкая
И на базаре плотный кахетинец
Вдруг выбросил увядшую траву
Тархун и кинзу, и реган и мяту.
Уснули куры и в осеннем солнце
Вытягивая лапы как собаки
Заснули кошки, зря землетрясенье
В тяжелых снах хвостами поводя.
О чемо карго, милая квекана
А нам такое вслух не произносят
Мы любим это странною любовью
И не вместит ее рассудок мой.
И правда: слава – купленная кровью.
И летаргии пасмурный покой.
Там есть еще один чердак заветный
И в нем прекрасный лик оцепенел
Умыт слезами за станком прекрасным
Прекрасные полотна тихо пишет
И девственности нежная черта
Подводит сумраком бездонные глазницы
Как в Тбилиси женщины прекрасны
И рыцарей бесплодно ожидая

Они томятся кутаясь красиво
И по утрам прилежно умываясь.
Вода прозрачна, утекает время
И городу так длиться надоело
Что он поднялся и сместился ввысь
Сонм рыжих крыш проплыл над верхним парком
И Кика сел в пустой фуникулер
Летит и слышит: догоняй же, Кика!

* * *

На вертеле счастливая конина
Татарка изошла слюной
И спирт
И Джезус Крайст скрипит на левом диске
Над миской кошка
Крошево друзей
Сползает с признаков уйдя своей дорогой
Прощай прощай бездонная Любовь
И ты прощай многоголосый вечер
Мы в этой комнате холодные одни
Крылами двигаем в разомкнутом пространстве
Он не уходит наш водоворот
Но ты уйдешь
Не выдержало ухо
Дистанции Москварека – Нева

Уйдешь и ты
Сдвигается Москва
Кто шепелявит – дождь или старуха
Как ты взрослеешь!
Прямо на глазах
Еще всего лишь полночь на часах
А утро грянет
Пташка первернется
В гнездовии шевелится теперь
Скрипят дверями духи меховые
Зарезанный зарезанный
Хочу
Сейчас же пострадать
Увы, пожалте
Зарезанный зарезан
Кровью ал
Усталый приближается вокзал
Блевотина в отравленном клозете
Как наша страсть мрачна
Мрачнее нет.
Ты позвонишь
Но я уже не ветер
Уже прощались мы один разок
Другой разок мы попрощались тоже
И третий раз зачем же говорить
На патефоне тот же диск изгрызан
Поет и плачет жалкая родня
И говорит:

Нам принеси с погоста
Хотя немного красного вина
Нам принеси хотя бы крошку хлеба
Я достаю от вербы два хлыста
И говорю
Кора.
Она съедобна
Для зайцев, родственники
Сдобная кора
А у меня один зубок искрошен
Я снегом талым не могу напить
Себя
Звезда с звездою говорит.
Там на снегу где кувыркались зайцы
На белых проблесках моя блестит слюда
Судьба печальная, досужая звезда
Какая ей оказана немилость
Нежданного подарка. Слава лесть
И одобрения и музыки и светы
Нет, сваливать
Скорее
Убегу
Или не быть
испытываем тьму
Я умру только утром
И только когда я пойму.

* * *

Тот ясный лес припомнился мне дивом...
Там яркие и твердые грибы
Сияли в травах возле земляники
И светлые негромкие ручьи
Несли стрекоз, на бабочек похожих
Он умер, спутник мой. Тогда, глубоко болен
Меня он обувал, едва светало
И шли мы по грибы.
Далеко и спокойно
Он вел дитя. Мы тихо проходили
Две-три деревни. Мягкая дорога
Стелила в ноги глинистую пыль
А около осины рокотали.
Недолгие исполнились дожди
И радуга невнятная мерцала.
Рука его прилежно обводила
Осоку резкую, выпутывала травы
И ноги находили сердцевину
Дороги, зараставшей в тишине.
Там, на поляне, отдохнув немного
Он хлебом с рук кормил меня птенца
Что падало, тащили муравьи
И в стороне доклевывали птицы
И не спеша орешник обогнув
Мы возвращались прежнею дорогой
Уже знакомой близко нам обоим.

1972

* * *

Животрепещущие карпы
На длинных спинах сардинеллы
И каменистый облик камбал
В тяжелых цинковых тазах
Как карта донного рельефа
Неона отблеск нереален
И жидким светом на креветок
Разбрызгивает блики газ.
– Ужель для встречи это место –
Вот козлоногий алкоголик
Еловые торгует ветки
Завесив оными костыль.
– Ужели здесь случится это –
Вот опоясанная баба
Кристаллизованных кальмаров
Бьет деревянным молотком
– Ужели вновь тебя увижу –
Старуха сухонькую рыбку
Шепча и шлепая губою
Сует в клеенчатый кошель...
Как сердце стройное забьется!

АРХИЛОХОВ СТИХ

Милый рукой отведи эту ветку над мне тебя не видно
Милой рукой отведи
Все же трава наконец вырастает и птицы прилетели
Вот и душа зажила
Вот задышали и воды и вроде бы стало постоянно
Зелень и роса, тепло
Выткано легкое поле и ландыши пахнут за оврагом
Как это было давно!
Может быть даже найдешь ты скорлупку
от соловьиной песни
Может быть ты и найдешь
Может быть ноги промочишь ведь там еще очень
очень сыро
Рано, и я еще сплю
Милый, надолго ли ты опускаешься в этих ярких
листьях
Ветвь отвести от лица?
Позже наверно проснусь и увижу что вот слетели
птицы
Снег. Продолжение сна
Милые ветки осенние слабые стынут стынут стынут
Мутные реки текут
Ветку тяжелую мне от лица отодвинул кто-то
нежный
Снег, это снег наяву.

ТЮЛЬПАН В ТЕНИ

Сирень раскрытая пустая
Перекипела за заборы
Тюльпаны вывернуло зноем
Их языки обнажены
И пышет жар из черных глоток
Открыты пасти окна клювы
Полудня темное гуденье
Холмы упорно подминая
Сползает медленно к воде.
Обнажено. Отворено
Распахнуто. Открыто настежь
И просто сброшенное напрочь
Слепит упавшее белье
Гремящей жестью наливает
И блеском мягкую листву
И тянет острую траву
Под бритву первого покоса
Все разметалось. Но не верь
Началу. Есть еще прохлада
Подснежная в глубинах сада
Там этот лебедь восковой
Не разомкнул свой конус узкий
Кустом укрытый, бузиной.

НЕПРЕЛОЖНЫЙ СВЕТ

Тополь застыл в динамическом
жесте
Водит цыганка коня
Ярко петух обозначил нашествие
Да, непреложного дня.
Юбки цыганские парусом пестрым
Месяц ныряет околышком острым
Плоские куры заводят глазницы
Переминают насест
Прыскают хори, струятся куницы
Может лиса еще съест...
Куры проснитесь, кончайте бояться
Солнечный день начинает смеяться!
Куры чихают, идут на охоту
Люди встают и идут на работу.

* * *

Лицо повернуто на север.
Но бродит свет в его истоках...
Необлюбованные пряди
Над лбом пустыни сухо веют
И глаз заброшенных колодцы
Полузасыпаны песком.
Ночей пустые караваны
Прошли не раз его безлюдье
Хранят не размыкаясь губы
Схороненные письмена.
О для чего живая гибкость
И сдержанность руки безвинной
И вот – все тело – беззащитность
Глаза – свинец и сулема
И вспыхни бешеный юпитер
Зажгись в ночи двойное солнце –
Не заберет ни капли света
Тяжелых глаз ее зима.
Но где источник, что тревожит
Мне хочется сказать – ланиты,
Так бережно они открыты,
Портреты навевая мне
Нет, не мои ли это строки
Намеренно запутав сроки
Смогли зарю зажечь в осоке
И отблеск оживить на дне...

1971

II

ВЕСЕЛАЯ КОСМОГОНИЯ

С ЭЛЕМЕНТАМИ МЕДИЦИНЫ

(осень 1982)

ВЕСЕЛАЯ КОСМОГОНИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ МЕДИЦИНЫ

Начать с того,
Что вертушки миров
Можно пройти
Прямо по центру
Не потеряв здоровья
Это страх
Сжигает ваше тело
Оно вообще
Довольно непослушный ребенок
И часто
Мало на что годится.
Поэтому не бойтесь
Великого Света
Вы вот думаете:
Сейчас, сейчас, о сейчас
Придет последний миг
Я не готов!
Какие-то обрывки
Глупых и гадких мыслей

Паника и бессилие
В потных конечностях
Глупое хихиканье плоти
Застенчивые игры с одеялом
На которые с ужасом смотрят
Близкие
(если они есть
И не удрали из больницы как сестры милосердия)
Вы возитесь с кошельком
Пересчитываете чемоданы
И мучительно стоите рядом
С родственником или знакомым
Вам нечего сказать
Самым
самым
любимым
и близким
Для всех прощание
Одинаково тягостно
Все равно мы считаем секунды
Тоскливо следя как вороны
Пугают друг друга
Одна сидит на ветке
Другая шумно подлетает
Первая срывается в снег
Вторая садится на ее место
Потом прилетает третья
И вспугивает вторую
До свиданья, пишите!

Большое облегчение
Мы бежим за вагоном
Обязательно, до края платформы
И медленно возвращаемся
Вспять
Свободные и счастливые
Но тихая зависть
Тихо трогает сердце
К тому, кто там
В маленькой лодке купе
С привкусом металла во рту
Кругленькой сигаретой
Медью шпилек
Поправляет волосы
Готовясь присесть
На зыбкую плоть скамьи.
Потом вы ложитесь
В пути это позволено
Позволить себе –
Это уже много
Закрываете глаза
И попадаете в ослепительный и длинный
Параллелепипед света
Некий туннель.
Свет вас бомбит
Давит на вашу поверхность
Она изгибается
Огромная плоть воды
Это почти больно

Такое неистовое давление
Такое неровное дно
Такие вязкие водоросли
Такие огромные льды
Такие холодные течения
Такие глубокие впадины
Неистовый ливень лучей
Лупит по вздутому телу
Оно захлебывается
Его тошнит островами
Оно гниет
На вагонной скамье
Металлический привкус облола
Со вчерашнего перепою
– Ваши билеты
И рубль за белье.
Серые простыни
Прошиты суровой ниткой
Они совершенно мокрые
И неужели на одеяле
Не ползают платяные вши?
На их месте
Я бы обязательно ползал.
На столике крошки
И сползающая салфетка
Бутылка пепси
Зудит под ногами
Плавленный сыр
Плавленный звук
Неестественного вещества.

Косное вещество –
Глубокое энергетическое недоразумение
Короткие замыкания
Маленькое черное сито
В которое стекают
Сгустки пространства
И мгновенно сгорают
Образуя черные дырки
В промежутках
Между ритмическими вспышками
На этом самом месте
Там глубокий вакуум
Вещества
Там правда ничего нет
Туда утекает вселенная
И так постепенно
Она выворачивается наизнанку
Какие похороны!
Нам очень хочется плакать
Малая секста
Не дает нам скорбным покоя
Зато как утешителен
Прекрасный катафалк
Глухие позументы
Серебрянных уздечек...
Этот ужасный хаос
Застывшего субстрата
Безобразный сироп

Бутылочного стекла
Сдерживают константы
Особо твердых кристаллов
Которые способны
К стойкому резонансу
В блочных зданиях
В бетонных казематах
Опасно заниматься йогой
Исполнять танец дервишей
Петь громко ОУМ
Или повторять мантры
Вот почему мы любим
Драгоценные камни
Они несут силу
И успокоение.
Предграничное
Пространство кристалла
Особая мертвая зона
Питающая тайным жаром
Его поверхность

▪

Ювенильные воды
Имеют тот же состав
Что и воды потопа
Или
Тварный океан
Индийских вед
Если произвести

Рентгено-структурный анализ
Вы сами в этом
Легко убедитесь.

▪

Все это наглядно видишь
Когда проходишь
Сначала сквозь лаву
Потом сквозь адское пекло
Сквозь сдавленный пар
Гидротермальных растворов
Видно как на ладони!
Проходишь через кристалл
Снизу вверх
От шизофрении субстрата
Вверх до его растущей точки
Которая еще
Собственно точка потока
Отсчет потопа
Ворона на Арарате

▪

Играя
В глубоко фрейдистские игры
– Проводник
Приносит чай пахнущий содой –
Очистить поверхность

Открыть ее
Вытереть столик
И утвердить съезжающую салфетку
Открыть ее
До острого конфликта
Рафинад
С маленьким самолетиком
ТУ 134
Что достигается
Огранкой и полировкой
Рафинад
Тает
Чай
Стынет
Начинаются игры
С солнечным лучом
Сведенным
В плоти камня
Он поет
Задевая напряженные струны полей
Как маленькая шарманка
Бесконечно ее повторяя
Бесконечно ее повторяя
Надо написать на нотах
Нечто
Называемое возвратной фугой
А пока на свете
Только возвратный тиф
Вши – мистические животные

Они рождаются прямо из тела
Если им владеет
Страх или горе
Говорят императора Суллу
Обирали 12 рабов
Днем и ночью
Вот это КПД!
Вот это
Производительность труда!
Сулла – император
НТР и технического прогресса!
Бесконечно ее повторяя
Бесконечно ее повторяя
Если начать ее
Начать ее слушать
Слушать
Неуловимая
Она разовьется в фугу
И пропадает
Как пропадает зерно
Когда прорастает
Гигантский боб
И превращается
В непроходимые джунгли
Побеги, побеги
Живая лестница в небо
Вот смысл
Медитации на кристалле
Вафли, вафли

Растворимый кофе
Кто желает
Клюкву в сахаре

Камень на пути
Косая тень вороны
Белый булыжник

Если на пути
Встретишь внезапно Будду
Держи в руках свой верный карабин!

Но самая ключевая мелодия
Претворяясь, исчезает
Итак ее нельзя слушать
Но можно услышать
Сиамский красавец
С бронзовой улыбкой
Ритуальными складками
И цветком заместо фалоса
Бедный принц
Как ты плачешь, служка при церкви
Бедный Кришнамурти
Закрывающий лицо ладонью
Общество Кришнамурти
Не дает тебе денег на марки
И на конверты
Для писем в Россию
Твое отреченье ничто

Общество Кришнамурти
Прекрасно обойдется без Кришнамурти
Учитель, согласно Вашей доктрине
Вы не должны быть учителем,
И поэтому почему Вы в Индии
Даете детям благословение
Это непоследовательно
С Вашей стороны
Это некрасиво
И сильно сокращает
Приток благотворительных средств
Тут какая-то дура
Пишет Вам из России
Но мы считаем
Что ее письмо
Не должно Вас интересовать
Неизбежно вовлечение
В ритуальное пространство
Где Вас когтят
Несытые единороги
Грифоны воздымают
Чешуйчатые шеи
И высовывают
Трефовые языки
Золото, серебро и медь
Непостижимы и иррациональны
Как три
Состояния Будды
Безнадежный объект

Для ритуальных действий
Для эмпирического познания
Объект вполне безнадежный
Если оторвать
Крылья у стрекозы
Получится перец

Басе сказал
Это не хайку
Ты убил

Если к перцу
Приспособить крылышки
Взлетит стрекоза

Поняли, Вы
Мракобесы-эмпирики
В анатомических театрах
Добывающие мертвую плоть
Знания о смерти
Слава Создателю
Таковая отсутствует,
Иначе науки бы не было
Убийцы и грабители
Боящиеся правосудия
Берут в руки
Ликующие скальпели
Надо поставить чугунный памятник
Анонимному создателю колеса

Какой черный ангел
Правозвестил его матери
О Госте из преисподней
И что это был за пир
Зачавший такое дитя
Оно родилось
С 36 зубами
И сразу рассказало
Скабрезный анекдот
Потом придумало колесо
И колесовало кошку
И кажется умерло от трахомы
В нежном возрасте
От него осталось
Несколько килограмм паразитов
Которые кажется
Тогда и возникли как класс
По градам и весям
Пошла гулять бубонная чума
И прочие милые шутки
Начала эмпирики
Зеленые травы
Спокойно плывут за окном
И тени птиц
Плывут за тенями вагонов.

О милое милое тело
Отдыхающих трав
Зорких птиц
Замечательный острый зрак

Глубокий отдых
Оврагов
Холодный ключ
Ветки ивы
Треск стрекозиных крыльев
Долго-долго
Летает сцепленное коромысло
Кто кого носит
В этом двойном полете
Инь и Ян
Зеленое дно соития.

▪

Между малахитом
Изумрудом
И хлорофиллом
Есть таинственная
Тварная связь
Медь ядовита
Как многодетная фурия
Старая волчица
С клыками, яростной пеной
Оттянутыми сосками
И гнездом лобастых волчат
Она уже
Давно не водит стадо
Но ее далеко обходят
Волки — волкоеды

Грехопадение в вещество
Совершается так стремительно
Всезнающее
Гармоническое
Милосердное
Непредставимо-бесконечное
Ровная
Вечная
Чистая энергия
Мерно заключающая в себе
Возможность
Света
Капает мирами
Из переполненной чаши
Зовет их обратно
Медленным мягким звоном
И все тянется к нему
Прах и камень
Лава цветок и серна
Клетка и воля
Существа
Церкви и тюрьмы
Убийство наука
Врач и палач
Иуда и пахарь
Тать и девственница
Стрекоза и муравей
Малахит и графин с ядом.
Через многократную гибель

Идет мучительное восхождение
Самое прекрасное
Это конечно смерть.
Это такое чистое
Звонкое ликование
Такая радость
Такая, такая Радость
Один ее миг
Насыщает полностью
Полностью
И все обретает
Веселый смысл букваря
Кубарь гудит
Спросите у тех немногих
Кто умеет умирать постоянно
Но они ничего не скажут
С нежностью глядя на вас
Они проливают
Светлые легкие слезы
Глядя на голеньких
Струящихся нежных червей
На радужную острую вошь
С замечательным вместительным брюхом
Чеканным как старый балкон
На ее 6 миленьких
Беспомощных ножек
В которых дурная кровь
Янтарно-желтая
Претворяется

В отличное лекарство от желтухи
В тараканах
Очень много золота
и причем
Только очень старинного
Оно само по себе как ребенок
Понятливое и памятливое
И когда-нибудь
Научится
Рассказывать сказки по радио
А серебро например
Чувствительно и прощает обиды
И хранит глубоко
Все сердечные тайны
И ни одну из них
Никогда не забудет
Что же касается
Длиннющих плотных глистов
То именно они
И прочие лямблии
Хранят ключи
К тому, что со времен Дарвина
Называется эволюцией
Второй чугунный памятник
Мы поставим этому герою
Злобному не меньше
Чем некий Тимирязев
Если на весах истории
Взвесить этих двух

Сухоньких старичков
Они перетянут
Всех палачей, наемников
Великих инквизиторов
И прочих борцов за светлое будущее
Человечества
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Как весело наблюдать
Кошку, которая чихает
Оставляя на полу
Клубок эволюционных змиев
Что же происходит
На границе эрачка и неба?
В Москве два градуса
Ниже нуля
Ветер слабый
До умеренного
Местами дождь
И по области мокрый снег
На границе зрачка и неба
Вы видите, наконец, себя
Это страшновато
Почти непереносимо
Потому, что Эти
Смирившиеся с именами Богов
Смотрят глаз в глаз
На вас в этом тонком пространстве

Радужной оболочки
Радужной оболочки
Радуга неуловима
Не надо бояться пламени
А также
Всесожигающего огня
Он совершенно пустой
Сосредоточенно-радостный
Ему нет до вас
Никакого дела
Как иголка сквозь сонную ткань
Вы пройдете сквозь Огнь
Если сумеете
Не испугаться
Все дело в страхе
Страх — натяжение плоти
Страх это камень
И мы возвращаемся к камню
К пустой бутылке
Под скамейкой у зыбкой ладьи
Косное вещество —
Глубокое энергетическое недоразумение.

▪

Лучшее средство от рака —
Кругосветное путешествие
Мумие
Это мышиный помет

Если вам не помогут от печени
Вши в хлебном мякише
Добудьте черную кошку
И гладьте три раза в день.
Рок-н-ролл
Средство от стенокардии
Вальс лечит
Застарелые отиты
(противопоказания:
невроз желудка)
Бородавки излечит травма
На другой половине тела
Что касатеся склероза
То Это Божье Благословение
Вам, даже самым несовершенным
Орден за выслугу лет
Если вы забываете,
Заперта ли дверь на засов –
Ваше тело больше не может
Изнемогает от отвращения
Выбросьте имущество
И откройте дверь
Пусть вор
Выпьет с вами стаканчик
Обдерите обои
Постелите на столе
Вчерашнюю газету

Если вы забыли
Что умерли ваши дети
И говорите
С ними,
Если вы всю родню
Перебираете по именам
Прежде чем вспомнить
Имя любимого внука
Если вы плачете,
Прочитав в книжке
Жили-были
Старик со своею старухой
Разве это не значит
Что к вам просто пришел, наконец
Истинный разум
И вы, наконец, готовы
К прекрасной жизни
Старика со своею старухой
У самого, самого
Самого синего
Моря.

Осень 1982

III

ЛИСТЫ ВОСТОЧНОЙ ТЕТРАДИ

(1971—1976)

1

Мне так поразительно пуст этот облик
нестройной столицы
Пруды с лебедями, чтение медленных книг
Святое безделье среди сотрясаемых улиц
Старух красноглазых проклятье летит
за короткою юбкой
Где недостижимая очередь трижды пути
обвела к Джиоконде
И правда, потерянным летом
– кому я могу пригодиться?
Вот кончена книга. Она на восьмидесятые годы
И это, как все поздравляют, большая, большая удача
А если и месяц пустыня, то как довернет пятилетье
Как страшно себя предсказать
Еще пострашней не найти
Себя в этом заднем числе отлежалого гладкого текста
Как травы теряют росу, так и нет в пересушенном слове
Целебной тоски урожая, пророчеств исполненных стук
Не станут тамтамы сердец повторять
послушай! послушай!

Но может быть если завернута верно пружина
То время наполнит прибоем виток за витком перламутр
Откуда ушло мое сердце чтоб новые дать отпечатки
Предметам и лицам и свойствам и линиям
волн и движений
И вот словно здесь и сейчас деревянный кошмар
харакири
В двух папках завернутый, так я в плену обязательств
Беру неуверенно мной недовольную дхаммападу
И снова читаю о мне предстоящих рожденьях
Коль скоро еще говорю, и мечтаю, и суетной плоти
Бегу за желаньем как заяц а время как псица
Тяжелые раны на судорге бега наносит
О черная лебедь, краса патриаршего пруда
О темная насыпь, ОРУДа святые сигналы
Божба переходов и странствия велосипедистов
О летней столицы дыханье изъяны и краски.

1974

2

Еще октябрь, не время урожаю
Не дотянуть однако до весны
Какие-то озими правда бывают на свете

За окном надоедливый дождь
Грохочут бутылки рычит грузовик и тележка
Болею. Читаю о древних канонах

Средневековая иконография
Сад с философской куртиной
Традиция и новаторство
В скорописи и каллиграфии
Только опасный безумец
Может изменить положение пальцев Будды
Он и его потомки
И прихожане этого храма
Будут преследуемы несчастьями
Отныне на долгие годы
И действительно.
Факт.
Монастырь
Был тут же испепелен
Шаровая молния
Перекрыла черепицу
Одежды служителей
Вывернулись наизнанку
Все статуи
Отвернулись от нечестивца
Это видели все
Кто успел убежать
Прежде пожара
Как это могло случиться
С тобой, Гаутама свободный
Как ветер в долине
Пусть некто месяц за годом
Тысячекрасно

Приносит жертвы
И пусть
Другой воздаст
Хотя бы одно мгновение
Совершенствующему себя
Поистине это лучше
Столетних жертв
О Гаутама
Свободный
Покинувший пруд как лебедь
И дым развалин
Спекшийся сок кирпичей

Какой сильный дождь
Не стану тебя будить
Пусть настанет день

3. СОЗЕРЦАНИЕ

Вот камни
За ними тени
По ним ползут
Причудливые мхи
За потоком гравия
Скрипит кожистая осока
Туго поддается
Семи ветрам
Побережье.

Или
Терраса философского сада
Небольшое пространство
10x30
Там
Струится поле
Светлой травы –
Поляна.
Низкие кусты
Обретают ветер
Но не могут угадать
Русло
Потока.
Начинаются деревья
Длинные взмахи
Тяжелых ветвей
С водоворотами
Крупных листьев
Они ли ветер
Или ветер их
От ствола выносит
Вымывает
В горячие омуты
Пространства

Это лес.

4. СТРОГИЕ ХАЙКУ

Весенний поток
Дождь смотрит на малышей
Плывет кораблик

Кукушка в лесу
Мы с тобой не гадаем
Сколько осталось

Низкие тучи
Тянет к земле но ветер
Тучи уносит

Рука с рукою
Лодка на тихой воде
Скользит к порогу

Птенец еще жив
Муравьи кишат вокруг
Больно только мне

Птица тоскует
Разве не плачет ива?
Не грустит луна?

За окнами шум
Ты утром тихо ушел
Я не проснулась

Хрипят заводы
На темном дворе безлунно
Пишу я хайку

Молодой месяц
Хиппи танцуют шейк
Где же тропинка

Только заснула –
Кто-то сказал мне про смерть
Проснулась в страхе

Старик трудится
Строчки ложатся на лист
Мышь грызет зерно

Высокий фонарь
Над каплей асфальта дождь
Он не дождался

Опять я в лесу
Мне кажется, ты со мной
Кричат сороки

Над крышей луна
Мы не нашли дороги
Кто счастливей нас?

Мы все забыли
Оса дрожит над цветком
Летит самолет

5. АТХАРВАВЕДА

Я чувствую твой гнев я чувствую твой гнев днем ночью
Я чувствую твой гнев ни там ни здесь ни тут
Я чувствую твой гнев
Бессмысленно бежать я чувствую твой гнев
в нем нет причины
Я чувствую бежать я чувствую идти
я чувствую твой гнев
Еще вчера друзья сегодня прах стряхнул последний
Я чувствую твой гнев еще вчера твой гнев
еще вчера сестра
Сегодня мать твой гнев сегодня мать твой гнев надежда
Ушла ее стопой сегодня гнев твой гнев
я чувствую твой гнев
В пустыне гул моих шагов гул гневный
Несет земля ярмо я чувствую твой гнев
Жар смрадных птиц на мне
я чувствую твой гнев вседневно
Ему причины нет ему причина все я чувствую твой гнев

Вода с руки моей и одесную хлеб отрава
Горят костры для жен мной осквернивших взор
я чувствую твой гнев
Супруги проклят крик и одесную смерть отрада
Я чувствую твой гнев я каждый миг твой гнев
твой гнев
О где же край земли куда же стать ступней низринув
Горящий свой покров я чувствую твой гнев
Конец пути приблизь
Варуна Царь
Который был третьим
Тысячеглазый
В час моего рождения.

6. РОЖДЕНИЕ ДЕРЕВА

Какое-то огромное меня
Орел или Оно
Схватило намертво.
Мое оцепененье
Он зацепил
И взмыв меня понес
Надеждой были бережные когти:
Мне понималось все как будто ясно –
Тело уклонилось в обморок
Душа ждала порванья
Глотала крошечным ЕЩЕ
– Железо хватки не болит затем
Чтоб мне не вытечь ранее полета.

Тем временем пришло седьмое небо
И чувствовалось – в крылья бьет не ветер
А легкое, сухое прозябанье
Я – круглое осмелилось открыться –
Не увидалось мне мирами, пылью звезд
Внизу переливалось и бездонно
Вверху скорей угадывался огнь
Но и скосив, и возведя, все то же
Преображен кощунственным "внутри"
Не то движение – скорей предвосхищенье
И сразу – плена радостный конец
Легчайшее сейчас же шевеленье
Меня в бессмысленный запутали клубок
И безобразные зигзаги в ямах плоти
Заставили свершать под липким страхом
Падения, хотя и не тянуло
Но скоро я осмыслило полет
Сложившись так же, без оцепененья
Я перестало мизерно кружиться
И сразу же Достаточное нечто
Нашло.
Меня взлетев
Оно теперь вызванивало отдых
Раскрытых крыл торжественный покой.
Ему мешая праздным поведеньем
Я тыкалось в него себя уча
Хоть как-то двигаться в достаточном ЕГО
Пространстве. Он не мог себя избавить
Ни отлететь. ДОСТАТОЧНОСТЬ его

Мне воздавалась небольшим пареньем
Вокруг и возле. Так ему мешая
Свершались те неверные скачки
Что мне давали что-то пересечь
Перечить дерзко лопотать бессильно
И постигать, и выправлять движенья
Плавнеть, стройнеть и точно воспарить
Описывать осмысленные дуги
Крутить волчки для вверх или для вниз
И наконец чуть отклик светоносный
Почувствовать живого наблюденья.
Но зто знание не будучи свободным
Мне тяжким грузом в душу налегло
Пришло тонуть.
Он возлюбил меня
Но груз уже отвязывал от ока
И тяжким следом нашего прощанья
Сухое марево серьезно раздалось
Пройдясь по мне
И твердое зерно
Теперь я дерево.
Игрушечные ветры
Играют у корней
И наконец мой рост
Незрим и точен
И душа полета
Мне служит истово
Как я ему служу.

7. АРАНЬЯКА

Не состоялся – скажут
Не состоялся – встретят
Ах как он был прекрасен
А он живет еще
А он еще прекрасен
Но он уже не властен
Но он еще не вечер
Он подождет еще
Вот облака над лесом
Проходит бык над пашней
Потом идет все стадо
Вечерних облаков
А он еще не вечер
Но он уже не вечен
Тяжелым летом ворон
Ему задел лицо
Оно светилось будто
Он перешел пороги
Он повернул все стадо
Или пошел за ним
Пустая флейта свистнет
Откроет лес чертоги
И нам теперь не надо
Уже идти за ним.

8

На горе Лу
Дождь и туман
В реке Че
Высокая вода
Я знал что мне
Не найти покоя
Пока я вновь
Не вернусь сюда
И вот я вернулся.
Ничего особенного
На горе Лу
Дождь и туман
В реке Че
Высокая вода.

IV

РОССИЯ В ЛЕТЕ

(1982 — 1983)

ЛЕТО

Мы только собрались!
Как глупо!
Мы поняли это
Мы поняли!
Снова, сначала
Но поздно
Гроза разразилась
И грудью кидается в окна
Печально!
Страстей отдаленных
Доносится смертная мука
Немыслимым тучам
Ломая хребты
О края волнорезов.
Деревья
Раскинули космы
Разом
Теряют лицо

Мечется
Страх
Полуголый
Груды холмов
Разрезает ливень сухой
Стекает
Стволы распластались
Над вспоротой рыбой дороги
Откуда-то плач
Заблудился и бродит у дома
Не видно и нам не найти
О Господи, господи
Где моя тихая лепта?
Где пчелы твои золотые?
Господи,
Дерево это
Растили, белили
За что пополам – и в канаву?
Зачем оно ходит по саду
И корнем
Стучится в окно холодной веранды
Треснули стекла
Ливень стучит
По тарелкам
Доски стола
Последняя крыша
Едва закипела трава
Градом посыпалась соль
Мы ничего не хотим

Нам его не найти
Плач стих
Наверно его придавило
Зачем мы его отпустили
Зачем заводить детей
Когда бывает такое
Не кончится!
Нет, никогда
Не кончится гром
С ясного неба
Ужас волн
Утлой ладьи
Скорлупка.

*

Добежал до края дорожки
Споткнулся упал засмеялся
Шлепнулся в лужу
Явно не хочет вставать, разбойник
Сломал прутик
Опять совершенно мокрый
Что за несчастье
Еще окатило с деревьев
Нашлепать
Завернуть в одеяло
Сушить у печки штанишки
Поить чаем
С медом и корнем малины

У печки темно
Такое солнце настало!
Скоро придут с грибами

*

Черные доски забора
Теплый вечер
Тихо тихо тихо
Выращивает грибы
Когда уснет
Можно пойти к озеру
Хвоя вздыхает
Впитывает влагу
На дороге валяются сучья
Усталое спит
Поломанное спит
Тут где-то водится рысь
Птицы притихли
Никого
Пустая купальня
Пустые облупленные кабинки
Пацифики секс и мат
Пионерские лагеря опустели
Такая недвижная
Такая черная
Никаких отражений
Треск мотоцикла

*

Я поздно полюбил тебя, Красота
Столь давняя и столь новая
Я поздно тебя полюбил
Какой общий принцип объединяет в рамках
одной философии
Таких разных мыслителей как Кьеркегор и
Мерло-Понти,
Бердяев и Камю, Марсель и Сартр?
Ты была внутри, а я был снаружи
Я искал Тебя там
И тянулся со своими уродствами к прекрасному,
Созданному тобой
И кто является экзистенциалистом?
Нет в современной философии другого направления
В котором саморазрушительные тенденции
Проявились бы так сильно
Ты была со мной
А я с тобою не был
Она была на первый взгляд уродлива, просто уродлива
Губы как бы разбиты
Потом это начинало нравиться
Даже мужские ухватки
Хриплый голос
Маленькие глаза
Все искупало пение
Они – музыкальный народ, нечего сказать
Ты позвала, призвала и прервала мою глухоту

Как-то и гитару она держала особо
Все время ее беспокоя
Подталкивая
Встряхивая
Что-то из нее еще жалобно изливалось
Из круглой дырки
Лился какой-то последний дождь
Ты распространяла благоухание
Я вдохнул его
Мания самообвинений, благодаря которым легче
обвинять других
(Это уже сказал Камю)
– Я всегда считала это
Исключительно мерзкой штукой
Такая страсть к обвинениям
Всегда кончается защитой рабства
Которая и является прямым результатом
Экзистенциализма
Она так внимательно слушала
В глазах ее были слезы
Мне казалось –
Будем дружить вечно
И теперь тоскую по тебе
Я отведал
И теперь стражду и желаю
Брошенный многими своими зачинателями
Экзистенциализм не теряет, однако, своей
притягательной силы
Она не могла больше слушать

Мне казалось – от сострадания
И душа моя захотела прекратить это
И послушать ее
Я поздно полюбил тебя красота
Столь давняя и столь новая
Я поздно тебя полюбил
Она рассказала
Как стоит у темного окна
И видит свое отражение
А в нем – отражение отражения
А сквозь отражение
Горы
Родного города
И себя еще подходящую к окну
Как это черное молчание
Полощется о ее щеки
И ласковый страх
Поднимает волосы
На стриженном затылке
Тогда стало понятно
Какое это холодное сердце
И еще:
Какая бездна надменного кокетства
В этих разбитых губах
В черном свитере и старых брюках
Я искал тебя там
И тянулся своими уродствами к прекрасному
Ты была внутри а я снаружи
Вот оно, коварство Востока

Мне захотелось что-нибудь почитать
Об экзистенциализме
Мы никогда больше не встретимся
8 месяцев я жила в твоем родном городе
И ни разу не позвонила тебе
Теперь я вам немножко помогу.
Это в фиолетовой польской книжке
Через два года я взялась, наконец, за дело
Я нашла в виде эпиграфа
Августин, Исповедь X
Все цитаты об экзистенциализме
И воспоминания о тебе, Манана.
Когда все
Отдыхает от сильной грозы
Не нужно читать
о философии.

*

Как хорошо
Что ты будил меня именно в пять
Когда становилось совершенно ясно
Вот так, так а потом так
Можно довернуть польские события
Потом Румыния... нефть
И третья она же последняя
Мировая
И все – правдоискательство
Ты будил меня именно в пять
Когда нож разлуки
Вонзался в солнечное сплетение

И вместо
Вместе
Со смертной мукой
Приходилось варить кофе
Разбирать корзинки
Вытряхивать из них вчерашний мусор
С легким нетерпением
Ты смотрел, как я курю свою первую сигарету
Потому что бесшумные велосипедисты
Уже проносились по пустынной дороге
Туда же куда и мы
В лес, за второе озеро
За песчанный карьер
Где в старых окопах
Было полно маслят
И черные боровики
Прятались на вершинах холмов
Он крепко спал
Разметавшись на старом диване
Крепко держа в руке
Тряпочную рыбу
Которую приходилось брать с собой повсюду
Чтобы он тоже не просыпался в пять часов
И не пугался, оставшись один
Впрочем, бояться было нечего
Садовый поселок
Сторожили бессонные пенсионеры
Они с рассвета
Копались в крошечных садиках
И с неодобрением

Посматривали на наш заросший бурьяном
Нестриженный сад
Который однако
Каждую осень
Был набит яблоками
И одичав
Не поддавался ни гусеницам ни тлям.
С легким участием
И тонким чувством свободы
Мы ходили по мокрому лесу
Мало разговаривали
И часто далеко разбредались
Эй!
Эй!
Кричали мы друг другу негромко
Потом ели
Неспелые яблоки
Как нарисовать лошадь
Копыта которой хранят аромат цветов
Возвращаясь с полей?
– Идет лошадь,
А за ней летят бабочки
Счастливые живописцы!
Художнику вообще проще
Лес пах утром
Следы велосипедных шин
Постепенно наполнялись водой
Иногда накрапывал дождь
Ты уже решил уезжать

Но с лесом не так-то просто расстаться
Мы чистим грибы
На широком прогретом крыльце
Разговариваем о Гессе
О концептуальном смысле самоубийства Гуру
Как высшей мере учительства
И я тебе объясняю
Почему утопилась Сафо
Ах я и сама
Проходя мимо старой купальни
Рано утром
Сдерживаю у ключиц
Холодный восторг.
Хочется написать незамысловатый пейзаж
Например так:
Лес полон утра
Солнце греет стены
Все немного устало
Трава растет неохотно
Лиловый кипрей
Медленнее, все медленнее
Немного ноет сердце
Читаешь о страсти, и улыбаешься
Нужен хороший друг
Он спит на веранде
Не стоит его будить
Обойдешься без сигареты

*

Все отпускает птиц не держит лес
Деревья – листьев дочь ушла к подружке
А небо столько отпустило звезд
в росе Земля и стынет пар над кружкой

Все что горело страстью и трудом
Зарей далекой ныне отгорает
Одна луна стоит как вечный дом
И высоты своей не уступает.

*

Конец лета

КЛАССИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

Мне мнится мир устал искать причины
Подробно освещен усилием луны
И нет в пределах наших тишины
И утомились прежние личины

Изнемогают сумерки над льдом
Над водами лишь правота бесспорна
В глубинах пашни утомились зерна
Давать плоды осенним сентябрем

Короче радость, ближе горний гнет
Надежда не стоит у изголовья
И торжествуя над остывшей кровью
Виски слегка охватывает лед.

Как мчится день, чтоб отвратить беду!
Как ночь за ним спешит, не успевая!
Но и в преддверии весны и мая
Мне мнится – не успеют. Я уйду

Ничья рука меня не завернет
Ничьи глаза обратно не поманят
И даже день беды не отведет
И даже ночь тревогой не обманет.

* * *

Извлечение ночи на лучшую ночь не доходит до слуха
Юный слепо кивает печальный покой обретя
По тишинскому рынку случайно проходит старуха
И прореха торчит из разлома седого плеча
Расширяется улица здесь вопреки перспективе
Угол глаза заполнен потопом. Дождит
Разве это смирение?
Веки и присно и
ныне
Белоглазая чуть за движением
нежным следит.
И на каменной плоти
возникнули острые сколы
Примеряются
шеи лилейные
мягкая плоть
Расторгает жизнь,
и по лужам плывут договоры
И базарные толпы
Сминает упорная тать

Кто сегодня? Спасенье?
Царит воскресенье и солнце
Мы на рынок идем мы идем по бульварам гулять
Мы окно протираем и лужи веселое донце
Каблуками дробим
Мы в пятнашки
Хотим поиграть
Мы хотим обижать мы хотим помириться, надуться
И швырнуть свои куклы подруге коварной в лицо
И поплакать в углу,
а потом помириться,
вернуться

и гудит сотрясаясь
садовых
глухое
кольцо.

весна 82, Москва

* * *

Умылося небо и блещет прекрасной мечтой
Красиво красиво как дерево выгнулась в твердь
Береза оделась берестою как наготой
А рядом хохочет и бьет топориная смерть
Источник отчаялся звук первозданный издать
А рядом хохочет и бьет топориная тать
И кличет осина кукушку на рваном ветру
Оранжевым соком исходит ольха – никогда не умру!
Кукушка зашлась на суку никогда перестать
А рядом хохочет и бьет топориная рать.
И смелым бессмертием ранится лучик четы
Идет к ипподрому я многие многие ты.
Там спелою лошадью плотно заполнен садок
Там скачут в камзолах беря у курносой урок
И зрак золотистый косится на радостный гром
Копыта сметают барьеры, ревет ипподром.
Лошадки дрожат раздраженно и темен их пах
В них страх притаился зашитый неведомый страх
Ах как же когда же и где же достанет топор
Лошадки по кругу проедут и весь разговор.

* * *

Кем скажи мы ловим эхо
Этих галок и ворон
Этого со всех сторон
Замечательного смеха?
Отпусти стихии слова
И оно изменит губы
Выражение бровей
Голоса чувствилищ грубы
Между ними злится паз
Он калитикой на задворках
Если луч в себе погас
Или робкой щелкой тонкой
Непостижной для ума
Там где унывает тьма.
Ниобея и Афина
Как же вам не стыдно драться!
Ох завистливые Боги
Вот напасть вниманье Ваше
Так и ходишь, встать робея
Помиритесь, Ниобея!
Лучше нету ветра в поле
Для пророчества хорея
Графоману ямбы вишни
Это все потока почта
Голубь глуп и зол. Однако
Разговаривает с Вышним.
Прост и камень. Просто сосны

Головой уперлись в грозы
Доживают до вершины
В риске молний полным летом
Золотистым длятся светом
И смирением хранимы.
Вот удод – блатная птица
Среди серого народа
Атташе страны Полудня
Секретарь у Махаона
Иностранец взором медным
Видит только отзвук жалкий
Звонких ливней метрополий
И пушистых поедает
Гусениц как будто нежить.

* * *

Я говорю с тобой как книжка без картинок
Слепой петит ты разбираешь плохо
Читаешь ты ее небрежно
За завтраком в тени обеда
Мечтою мягкою коврижкой
И долга коржиком суровым
Ты запиваешь молоком
Далеких милых сладких дев
И как вложить в ту помесь исподлобья
Судьбу морщин ран страшное раскрытье
И прелесть сих плодов несоблазненных
В которых тело спелое побега

Струится вон из воска глянца кожи
Что тут дороже? Что всего дороже
Короткий ужас: ангел лег на сажу
Лихие волны, омовенье молний
Листвы лобзанья, авантюры плоти
Старинных замков райские руины
Твоя душа, краюха в подземелье
Иль справа стая воронов трескучих?
Могучий Ты меня не отпускаешь
В дела лихие
На поклеп
Томится дева на поклев и кражу
И на продажу выставлены дни
Постыдного безделья.
На поруки
Никто меня обратно не берет.
Но иссякает дар. Течет по капле
И скупо лечит треснувшую почву
Где повилика, тоненький грибок
И крест петров из корня туго лезет
Один и прям, соцветием здоров
В ему рожденном древе укрепленный
Ах море море где твоя страна
Где материк твой мощная держава
По пяткам бьет могучей синевой
Обратно вовлекая эти камни
И стекла превращая в леденцы
Обсосанные временем...

* * *

Время мирно растекалось по долинам и оврагами тревог
Этот тающий на солнце но сверкающий в потемках
круговерть
Встретил Бедную на поле по дороге за опарышем
с сумой
Длинной лаской обратила но изрезав ускакала на трубу
Ювенильные подземно шевелят
Врет смиренная шакалица любовь
Только омут приостынет удивясь
В сети моря обернется и уйдет
Постепенно прорастает эта почка сквозь песочек на часы
Три минуты милый слямзил повернув
Бремя бедная устала сквозь нести
Три минуты заглянуть за уголок
Тот оттяпает и выплюнет на путь
Три минуты ты устала сквозь нести
Надо колбочку обратно повернуть
Надо колбочку ах надо не устать
Повернуть – свернуть без роздыха и сна

По-над часиками бродит этот тать
Разворачивает ветренно сосна
Поворачивает крышу над душой
Пропускает только лучики порой
Отшумела оттетешкалась весна
Под блесною незаметнее крючок
Чудо-рыбка засверкала на снегу
Ну-ка время перевертывай, молчок
Тихо сыплется песочек, ни гу-гу.
Стала жабою принцесса. И стрела
На тетивку прилетевши, замерла.

* * *

Истине не надо света
Ах, она жива слезами
Полюбовным разговором
Гибкостью живого смеха
Неба лунного узором
Враги!
Расстались ветви на устах
Страх разогнал коней у водопоя,
Где было Трое, стало только двое
И нет Того, Кто Третий среди нас.
Слова царят законченно и сухо
От слуха речь ограждена щитом
Потом скажи, – вымаливает ухо
И сердце нежное твердит – потом.
Потоп уже. Ревет дробя каменья
Корчует рваный беспросветный вал
И в небесах пустынные знаменья
Не зрит уже никто. Потоп настал.
И гибнут горы. Возникают горы
И свежих гор низринута страна
И нет потом. И исчезает скоро
И с ревом прочь уносится волна.

* * *

Кто колобродит –
смерть или старуха...

Печальный дом
Последние приметы
Печальный день.
Усталая герла
Заброшенная бродит по проспекту
И голая в искусственном пальто
Ты говорил.
Но было все НЕ ТО
Она врала и тоже говорила
Горилла пела лучше.
Зоосад
Утра в четыре озаряло
Пело
Скрипело вскрикивало квакало вокруг
Служители и звери
Волновались
Река и облако
Но время тоже шло
Полз смог
Стучало грузовое брюхо
Старуха шла за маслицем стоять
В Универсам
Надолго
Сдать бутылку молочную не просто по годам
Тем более пивную из подъезда

И этикетку соскрести ключом
От комнаты в забитой коммуналке
Ты мимо проходила не стыдясь
Ни запаха ни голого.
Гордясь
Сжимая старость к утлому клозету
И к баночке с оставленной мочей
И в ужасе выдавливая гной
Из прыщиков сомнительных
Хладея
Пред зрелищем аптекаря
Змея
Тебе терпеньем наполняла чашу
Но ты упорно двигала рукой
Курносой не давая свой покой
Печальный день
И крылышко сверчка
Стрекочет от запечного испуга
Другие же задали стрекача
Как повредить излишество досуга
Всех этих малых
Домовому как
На визу выправить
3 фото с уголками
И негатив заправленный в пакет
Пронумерован скоро будет завтра
Да будет завтра
Кофе
И привет.

* * *

В. Резункову

Он был неловок с ветром
И с огнем
Неосторожен
А привыкнуть к чуду
Опасно, мой дружок
Легко обжечься
Когда в себе мешаешь кочергой
Но впрочем это внутреннее дело
На Ваше сати я гляжу с трудом
Но накрывать тела упорных вдов
Не заручившись Знаком я не смею
Мне зонтик Йогонанды не указ.
Однако, это невыносимо, невыносимо
Невыносимо видеть
Как нежные формы
Этот девственный тонкий фантом
С босыми многими ножками
И влажными божками глаз
На самых неожиданных местечках
(Когда Вы приходите
Вам многовато слов
И внимания)
Но ваше твое
Играет спокойно за креслом
С самым большим тараканом

Который приплелся из щели в соседней комнате
Заслышав тихие шлепочки
Босых твоего ножек
И наверняка знаю
Он твой любит овсяную кашу
Ты конечно можешь ходить в финскую баню
Ах как это вырвалось
Как нехорошо сорвалось
Вы, конечно, вправе ходить в финскую баню
И Вы по этим дурацким законам конечно вправе
Сажать свое тело босыми ножками
В грязное кострище
Ошалело пахнущее керосинчиком пламя
Ревет
Твое горит без запаха
Почти
Что-то похожее на
Запах варенья
Свежих пенок
Твое горит очень быстро
Не успеваешь моргнуть — готово.
Таракан и не того навидался.
Привык.
Идет в щель жить дальше.
Никогда не бороться против
Никогда не бороться против
Довольно трудно
Учить это правило переноса
Глядя Вам в переносицу
Ненавижу, ненавижу

Эти законы
Наступающие сапогом
Ломающие с сухим треском
Клацаньем и бряцаньем
Эти маленькие растения
С босыми неповторимыми листьями
А для своих законов
У меня два
Очень бумажных солдатика
Один очень ленивый верблюд
И один зеленый дезертир
Пирован-пивовар
Неуловимый как летучая мышь
Пироман
И его, главное приучили
Греться и играть
С болотными огоньками жаб
Вот и все мое малое войско
Но, конечно
Коли у нашего кузнечика
Такое ценное имя
Она будет с нами, с нами
Победа!

*

Мышка
Доходит до порога и аккуратно прячется в норку
Лишним
Оказывается субъективное дезьюнктивное знание

Экзистенция
Регулирует свое отречение от общения сложного
Многомерность
Открывается в нашем совместном молчании
Ты плывешь автостопом по дорогам безмысленной Азии
Автогеном
Костяк прожигают огромного нового здания
На порогах
Тебя ожидает предсказание недоумения
И ты – такой скромный – не обманешь ничьи
ожидания.
И в слове
Неожиданны твои проявления
Какие-то реки клокочут кусты содрогаются в пламени
Ты серым плечом отправляя под мышку созвездия
Проходишь бочком по косой между черного племени
Но с косою стоит и кончик косы навивает на тонкие
пальчики
Улыбаясь приветливо. Пыль завивается. Узкие пяточки
Привет говорит как живешь говорит
и влево зайти за плечо норовит
И пристроится там незаметная
Так и входит с тобой приветная
Привет говорю как живешь говорю
И врозь от плеча отвести норовлю
Смотри – интересная книжка лежит
Смотри – прямо к норочке мышка бежит
Какая тяжелая косынька
Оставь-ка его хоть до осени

Но вы отвечаете вежливо:
Спасибо, мы сыты по-прежнему
Чтоб нам попустому не маяться
По-видимому надо откланяться...

* * *

Азавтразавтразавтра
Но тонкая нежность уходит в неуловимое время
Кончики ресниц вздрагивают щека запорошена пылью
Хорошие взгляды подстегивают плохие воспоминания
Мы вынуждены с этим считаться как с данностью
зеркала
Останутся слайды красивые и имена счастливые
Говорят: здравствуйте, вы — человек-легенда
Устали чаровать, внимательны, что ни сказано
— слушают
Потом ворочаются в постелях, думают: надо же,
надо же!
А ты моешь посуду посмеиваясь в своей счастливой
кухне — она осыпается
Кафель осыпался, сыплется потолок, крысиные норы
Золотые тараканы ползут по белой плите
ослепительной
Там варится вкусная каша, вкусная даже и завтра
будет еще вкуснее
Завтра в нее надо положить немного перца,
а сегодня не надо.

Завтра надо ему позвонить я сегодня я слышу
пусто
И без звонка я слышу – пусто, пустая комната
Завтра, он завтра придет и немножко помается
А когда захочет выпить остывшего позавчерашнего
чаю
Раздастся звонок – а сегодня надо сварить кашу
И только завтра поставить чай а в кашу насыпать
перца
И отправить других в магазин, чтобы он пришел
первый
И еще раздевался, когда остальные придут и скажут
О! ЭТО ТЫ!
Ты пришел! Мы купили хлеба!
А пока все шумят и толкаются и отъедают горбушку
Уйти дочитать про мрачную жизнь Кьеркегора
Про догадливого Хайдеггера в книжке буржуазное
лжеискусство
Потом придти с чаем свежим и очень крепким
Ты никогда сам своих стихов не читаешь
Их читают по листику, на них сыплются крошки
Капает чай и сахар к ним прилипает тоже
На них пикируют мухи и ползают тараканы
Их читают в постелях, они летят за диваны
Науто их находят и они попадают снова
На стол, а потом кто-то, кто сегодня начал
новую жизнь
Собирает их в папку и сверху пишет
Имя фамилию и автобиографические данные
И туда же складывает фотографии большие твои
портреты

* * *

Дороги твои заснули.
Ночью печальный ветер
Слизывает следы
Спрашивает: жив?
Тяжелым шопотом
Ему отвечают сосны
Твоих глубоких снов
Текущих вглубь преисподней.
Как ты там находишь
Безопасные камни
Как проходишь
Вдоль раскаленных лав
Почему тебя сторонятся
Бессмысленные подминающие свирепые
Обсасыватели улиц
Хруст зданий розовый мозг церквей
Может быть ты проходишь
Сквозь их темные чрева
Как японские школьники
Сквозь молчаливый бетон
Этой ночью
Мы шли с тобой над кустами
Они были обычными
Они имели листья
Их цветы

Хранили в себе букашек
Оцепеневших
В ясном холоде
Луна
Взошла
У берега
Молча ходил омут
Тонкая сила созвездий
Трогала корни волос
Но дальше
Ты поплыл один
На камышовом плотике
И тут же забылась
Дорога домой.
Сквозь корни кустов
Пришлось прорываться обратно
Алая плоть
Сквозила из черных ран
Пылающий червь
Остекляневший от боли
Долго бодал
Вспухшую старую дверь
Луна действовала
На паразитов на шее старой собаки
Она выла
Воздействуя на луну
Мы тебя забыли
О! Это было ужасно
Мы пили чай
И возбужденно смеялись

Каждый каждый каждый
Сразу тебя забудет
Ведь тебе – не правда ли?
От этого только легче
Ты привык
Ты ничего не просишь
Даже когда
Тонет твой маленький Ра.

В. Резункову

Глоточек зависти на избранной стезе
К тебе толкается песками пламенея
Вот и ушел.
Придет ли может быть
В больнице на казеном милосердьи
И выбираешь: плыть или не плыть
Весна на воле птичек напоила
И нет зверей.
Пропала вражья сила.
На Братство напустилась темнота
Они втроем проходят по аллее
Петровских парков (в Сестрорецке он
обратно уж болотом поглощен)
Там берег завернулся, воют хляби
И нутрии ныряют по прохладе.
Достатка нет в лучах. Плоды полнеют
Лишь недостаточно. Они не бронзовеют
Краснеют и не кислотой полны
К варенью и съеденью не годны.
И солнышка их узенькие устья
Недолюбили. Вязкие от грусти
Они роскошных гроздь не создают
Осанну мироносцу не поют.

Заводы полнят дол отменным смрадом
Плоды глотают жадную прохладу
И маховик страны стучит далек
Легли дороги вдоль и поперек.
Но наступает ночь и тишина
Уютна на бочке. Утомлена.
Ножи находят тысячи княжон
Уютна смерть для недалеких жен.
Хотелось ли тебе убить однажды?
Томился ты от этой мрачной жажды
И упоительный тебе не снился сон?
Среди друзей и множества имен
Ты выбрал ту которую страшнее
И жальче всех.
И правильно
Робея
Ты проживешь напрасно.
На-ка нож
Учись живыми, не спасайся в ложь.
Все умирают. Павшие мгновенья
Закрыли зонтики.
И одуванчик вверх
Поднял свое большое населенье
Не каждому тут выпадет успех
Укорененья.
Многие на камень
Иные на песок,
Другие в пламень
И только где-то скрыта нагота

Зовущая
(усильями крота)
И отсыхают все дела и сила ветра
Какую-то немыслимую веру
Воссоздает и сразу весь порыв
Уносится скворешни разорив.
А больно облаку?
Наверно, больно таять
Терять потоки слабые внутри
И ощущенье общности безмолвья
Свой Знак терять что в небесах пустых
Мне и тебе обозначает стих.
Железна дверь когда и ты здоров
И одинок, и есть горбушка хлеба
То это роскошь благо или сон
Но не надейся, он неповторимый
Не помнят птицы славие Зосимы
И этих птиц не вспоминает он.
О юность славная в пирах заре и битвах
О зрелость нежная в покончeнных молитвах.

РАЗВОПЛОЩЕНИЕ

В. Резункову

Роскошный пантеизм твоих стихов
Помноженный на плесень
Помогает
Низринуться на куст
Отметка веса
И роста не колеблется при том
Изнеможение покинутого тела
Зовет бродягу, требует забот
И беспрерывно открывает рот
О как оно обратно ж надоело
То то ему то это
Как бы вне
Остаться, наблюдая в стороне!
Какие точки солнечного роста
Какие почки вырастают просто
Какие цапли поднимают шаг
Как тигр идет
Как проплывает рак!
Как им достаточно! Они друг друга слышат

Восчувствует змея – уходят мыши
И лишь глухие служат для обеда
И тут же возрождаются в соседа.
А мы, несчастные!
С тобою, Резунков,
Мы это можем в промежутках слов
Всех этих пауз зная назначенья
Мы предаемся тайному грешенью
Развоплощений блуду и порок
Нам осуждения положил порог.
Пред чем мы спотыкаемся в гостинных
О чем скрываем в коридорах длинных
О чем мы прячем в пачку сигарет
И таракан шуршит: Пароль! Привет.
А вот когда одни? – Глаза отводим
И, стыдные, глаголов не находим.
Все это враки, бяки и стишки
Позорные и тайные грешки
Той нелюбви к присвоенному телу
Которое вконец ороговело
Копытом стало, душу на хранит
А только поголовье бередит.
А почему бы гидрой не создаться
Роскошно в ступке кристаллизоваться
И возрождаться тридцать раз на дню
Себя сегодня предоставив пню
А завтра дереву
А послезавтра – почке.
О грех! О грешники. О точка, точка, точка.

*

Так значит они разбежались
И так это нужно случилось
Сначала приходят приветы
Потом помрачается мера
Уходит и новые домы
Ее принимают безмолвно
А что там у нас в зоопарке
Нечищены воют
Некормлены воют
Недоены бродят
Короста, моча и нарывы
Фанерная касса забита
Бумажки летают под ветром
У нас наводнение скоро
Наверно они захлебнутся
Когда это было начало
Ты твердо наверное знало
Счастливым конец не бывает
А кто-то часы наблюдает

*

Господи, Господи как это важно хоть что-нибудь
спеть на прощанье
Или слепо прощенья дождаться о нем же молить
поминутно

Как это страшно в страдании острое небо увидеть
Глаз в синеву воплотить и сломать о зрачки
это больно
Так же и дерево как оно резко взрастает
Как эта зелень зеленая сердце пронзает
Луч золотой как душу буравит сжигая
Мучает запах земли и преддверие мая
Господи Господи как это нужно покой и простор
и пустыня
Или тихо смиренно дождаться когда прорастет
благостыня.

*

Отпустишь всадника.
А он на круп горячий
Ее положит молодое тело
Они поскачут по медвяным росам
А ты не можешь посмотреть на солнце
Там где зрачки твои его ловили
Тем чернота. Там аспид, черный глянец
Тебя повсюду настигает ветер
Один и тот же. Тот же постоянный
Пустой как выдох
И другие ветры
К тебе не смеют донести живое
Как будто меж тобой и плотью мира
Какой-то выгиб

И деревья даже
Чуть отклоняются
И даже камень
Чуть отступает, может быть, на атом
И здания теряют вертикали
И шаг земля то отдает неверно
То принимает с болью
Все с усильем
Тебя на свете отрешенно терпит
И только милосердные травинки
Тебя шевелят принимая падаль.

*

Твой позвоночник падает на стол
Еще шевелятся нагие руки
А ухо ловит запахи и цвет
В зрачке померкшем прорастают звуки
И видит небо мучимый живот
Сквозь синь небес уже видать и звезды
Луна взошла и солнце колобродит
Заря ложится восстает роса
Прохлады Зной сжигает заведенный
И стылый глаз
И кажется: пора
Какой-то рог трубит о край стола
Вдали какие-то кричат и бьются рати
Фонтан людской из горних бьет глубин

У горла кровь чернеет и дымится
И просит просит невозможно длиться
Алмазной сутрой вырастает нож
Раз – или во – но миг чтобы плотиться
И смысл и без перерастает в дрожь

*

Если камень начнет говорить
то тебе он расскажет, я знаю
Если птицы устанут летать
И созвездием станет гора
То и милое завтра настанет как было вчера.

ПЯТЬ УЛЫБОК ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

I

Много сил. Много зданий и сил
Можно черпать из этой игрушки
Изобретенной проходимцами
Для оправдания рабского тела.
Мне и счас он по-прежнему мил
Городок с полутелом старушки
Мне и счас беспристрастность домов
Доставляет тяжелую нежность
Промежность истории так мала
Для оправдания объективности зла.
Мне и счас беспокойность умов
Понимается в белую снежность.
Нет но какие суки ети интеллигенты
Какие звуки доносит еще от собора
Где склад и дрянь и кучи сора.
Но какие суки суки продажные
Послушаешь – слова-то какие важные:
Афродита Пандеймос – в переводе шлюха
Танатос и Эрос. Мистерии духа
Правое-левое полушарие
Ойкумена и гунны славяне и арии

Исчерпанные вдрызг пассионарии
Логос и гнозис. Кшатрии парии
выработка имманентных посредствующих образов
как средства уравновешивания трансцендентности
основного начала
А мать твоя не кричала
Когда рожала не зная на што?
На тюрьму?
На суму
Вырастила улитку
Забралась которая в бумажные свитки
Слизняки нещасные!
Цепь волочится
А вам сознаваться в этом не хочеца!
Принимать-кормить опасного странника
Ночного гостя,
богом избранника
Не в кайф, не в кайф, софийцы с массонами
Наконец, обнимитесь! вы оба фасованы.

II

Поздравление с новым Годом
37
На внешний порядок дорог
Не влияет
Бензин
Как прежде воняет
Как прежде сухое ваше брожение

Вызывает в сухих умах раздраженние
Виновата погода!
Горизонтальность культуры
Навечно сменяется застывающей фазой
Вертикальных домов
Неизбежно это связано
С самопожиранием
(соседа, соседа!.. Пронеси, Господи.)
А – между капелек. В противофазе
Давай-ко прилипну к вертикальной плоскости
Авось замажут жолтенькой красочкой
Авось не заметят за миленькой масочкой
Авось отдышусь-ко я в противогазе.
Ну это же – фи неэстетично
Совсем не талантливо. Негигиенично
Словарь бедноват. Неприятны морфемы
Фонемы невыдержаны. Мифологемы
Не соответствуют классификации Шпенглера
Хайдеггер отсутствует. Мало Фуртвенглера
Много софизмов. Не хватает софийности
Не интеллигентно. Мало стихийности
Вы знаете, даже – гм гм орфография
да-с. А уж синтаксис! И биография
Нет! Но Судьба. Но талант! О, пробьется
Но уж мы – дудки. Так перебьется
Перемелется, мука будет
Твоих мук отечество не забудет

III

А мы любим друг друга!
Вас идиоты тоже
Но друг друга ужасно!!
Ни на что не похоже!!
Плачем каждую ночь в умилении
Каждый день проводим в любовном радении
Каждый вечер в прекраснейшем бдении
Утро каждое в умиротворении
Любви явно вокруг не хватает
По дворам бутылки она собирает
У нас перед окнами бутылкопункт
И пьяниц под окнами вяжут и пнут.
А внутри нас такое обилие
Любви и нежности. Это всесилие
Бессильно и не подлежит отражению
На бумаге. Его – хвастовство – выражение.
И вот мы хвастливые все время хвастаем
Все время хвастаем, славу грабастаем
И вообще ведем себя неприлично
Нам говорят: эксгиби... Отлично!
Имея Огромные Органы Страсти
Шутя избежим мы гриппозной напасти
И хоть и болеем – но только для кайфа
Для пичканья медом. Температурного драйфа
И прочих прелестей. Мы ведь пневматики.
У нас пневмония – основа догматики,
Была бы у нас постоянной программа
Не пили бы мы аспирина ни грамма.

IV

Без кайфу нет лайфу.

Торжественнейший понт!
Пэан!
Пеон
Пионы!
Легчайшею мечтой
Во все осуществлены
В прозрачной высоте
Где муза врет богам
На острой горочке
Я пребываю там.
Стремительнейший вал
Упершийся в просторы
Брачующихся пар
Умильнейшие вздоры
Причастий парочки
Дее – способный кайф
Для пишущей руки
Необходима лайф.
О маленьких побед
Красталлы полузвонки!
О миленький Привет
Необходимо-тонкий
Стояк для умных вод
Где ужасом вспененны

Прорвавши вод провод
Бегут, осуществленны
Где фландрский пестрый сор
И рваная бумага
Вчерашних пиршеств мага
Витийственный заезд
Почто ты сей не краше
Вполумственный бесед
Террариумов наших?

V

Каждому дали чудесную клеточку
Каждый поставил прекрасную стеночку
Вазочки тама и редкие книжечки
Контексты, поэтики апокрифы иже с ним
Не многое просют они: не заметить
Которые двери будут крестиком метить.
И оченно даже к тому вы готовы
Готовая тварь, пораженная словом
Готовая дрянь малодушная к чести
А что это такое? на каком это месте?
О Жопа! Российского плод плодородия
Дезодорированное Благородие
Анальная сексуальность за счет инфантильности
Дитя богозб в распаде сенильности
Я это пишу внутри, не снаружи
Учтите когда заведете досужий

И сладостный треп про салоны дебоши
Кутузки и прочие ваши бриоши
Все в брюшке иудиных этих лобзаний
Звезда на спине. Коридорами зданий
Сквозь строй перекуров. И орден бубновый
Горит на огне паутины багровой

апрель, 1983 г.

Оставайтесь пока на местах!
Не надо синклитов
Белые старцы глухи
Светлое тело мистерий
Зависть прожитых лет
Негодует
Плоть
Изгоняется зверем
А надо принять
Поцелуй
Крепкий и чувственный
Страшен
Кто отражает желанья
Тело божий цветок
Принять и отдать не в силах
Красиво
Страшно
Красиво
Опасно
Змеи и черти и нежить
Все зто ваше
Милые старцы пути
Покорившие племя
Пламя от вечного дня
Вечное ночи томленье
Прими постоянно
Тогда
Дашь мне совет
Мне вас понять
Ангелы пепла.

* * *

Травы
Требуют встречи
Окно
Распахнулось само
Деревья растут постоянно
Одно
Фиолетовый лес
Раскинулся дышит
Орел невозможный
Парит и кричит над горами
Такая вокруг суета
Травы и злаки
В упорном цветении

Жизнь
Жуков и растений
А мы
Ностальгия сирени
Куда это делось – поля
Осоки
Молчанье
Накануне прозрения
Соты убийства и жуть
Ступени
и синь
Они не хотят Бога
Он муж -
чина
Откуда все это знают?
Не хочет стирать
Сам
Картинно вздыхает
Эх ты
Раб
Своих рабов.
Мать и ребенок
Вполне без тебя обойдутся
Не все им равно
Кто ими правит
Сами
Воюйте с химерой
Она вас убьет бедные
Холодным утром
Проглотит и будет голодной

И вы
Девушка синяя спелого лета
Придет на минутку
Уйдет
Нужен совет
Свет
Ранних часов
Зорь
Золото утра мир
Рим распадается
Пыль городов
Приветливость встречи
Пылает
Путник останься
Не время
Прислушайся –
Тишь
Лобное место вокзалов
Пока остается
Любимые спят далеко
Мне надо девять честных дев
О мой мир
Одного не найти
Лунного спутника
Лик чист
Тело спокойно
Ноги благоговейны
Неутомимо
жду.

* * *

Мои богини! Что вы? Где вы
Внемлите мой печальный глас
Все те же вы? Другие девы
Сменив, не заменили ль вас?

Кумирня в ночь объята пламенами
Постукивает ботало коровы
По фотографии ползет тревожный червь
Пустая рама выдавит из дома.
Прогулка мне знакома
День за днем
И ночь за ночью вспоминаю лето
Иные дни и арку над тобой
Что живо счас?
Что живо час последний
Что живо в этот распоследний час?
И кажется что дом дождем объятый
На мокрой скатерти наполнит нам стакан
Не видит глаз сквозь пелену капели
Где птицы несмолкающие пели
И где теперь в преддверии апреля
Так каждый наг и так не каждый пьян
Чем возвратить ненужное веселье?
Как возвратить стеклу его стакан!
О дом дождя!

На зыбком океане
Твое подобье нарушеньем стен
Держалось долго как вино в стакане.
Но вот пологий ветер перемен
Еще толкнул челнок его заветный
И он ответил дрожью незаметной
Себя отдав телам волны взамен.

май 1983 Ленинград

АВТОБИОГРАФИЯ

(1980)

Не имея никакой потребности в воспоминаниях, трудно браться за автобиографию, которую пишу по просьбе моего издателя. Чем интересны прошлые события моей жизни? И до сих пор я не знаю – у всех ли это так, но думаю, что у многих – это разительное в детстве, а потом почти исчезающее несоответствие между внешней скудной жизнью и внутренней, глубокой и сложной, именно в первые годы, да и месяцы. Если это не все помнят, то значит мне было дано сохранить то, что многие просто прочно забыли.

Я родилась 21 октября 1941 года. Мои родители занимались геологией и ко времени моего рождения оба уже прошли через аспирантуру и были кандидатами. Бабушка моя с материнской стороны по национальности латышка, кажется, судя по фамилии, не без немецкой примеси (она урожденная Ульдрик), в свое время работала акушеркой, и была деятельным человеком, переполненным чувства или даже потребности в живом исполнении своего ежечасного долга, в чем и была ее единственная религия. Деда я не помню; он умер от чахотки, кажется, в год моего рождения. Меня от него берегли. Он был почтовым служащим, до революции статским

советником, добрым, говорят, и тонким человеком. От него осталось только несколько писем, написанных во время войны, уже совсем перед смертью. Единственным его завещанием было "не отдавать детей в детские учреждения", и этот завет потом старались выполнять.

Его, в свою очередь, родители были во всех отношениях необычными людьми: мой прадед прожил сто одиннадцать лет и отравился в конце концов беладонной, когда у него первый раз в жизни заболел живот. У него однажды еще болел зуб, который он тут же сам выдернул каленой проволокой, а больше никогда и ничего. Зубы были целы, волос густ — видела его фотографию ста с чем-то лет. Был он крестьянин и жил в Белоруссии. Жена его была младше чуть не на тридцать или сорок лет, дворянка, по матери немка (мать ее — баронесса ф. К..., по отцу полька Др..-Д.). Говорят, что ее отец в одну ночь проиграл все имение и вроде бы даже каких-то многочисленных коней, которыми занимался, в карты, и приехал домой на тройке мертвым от разрыва сердца. Почему-то легенды донесли число оставшихся коров, их осталось восемнадцать, и это было очень стыдно. Она, прабабка моя, несмотря на голубую кровь, была, по-моему, неграмотной, или что-то около.

Народ с материнской стороны у меня весь крепкий, в работе неистовый, к себе равнодушный (кроме матери моей) и все с чернухой: угадывают сны, нечаянно, пожелав с сердцем, изводят на нет обидчиков, хорошо лечат, но и заболеть могут кого-нибудь, потому что по азартности ко всем и ко всему как-нибудь, да относятся. Все

мои тетки покончали ВУЗы, но в общем это не интеллигенты – они падки на слухи, диковаты, и, ежели читают, то больше с устатку. Все такого рода способности, которые передались и мне – меньше моей сестре и моей дочери тоже – все от прабабки, которая, говорят, была крива на один бок, горда даже до умопомрачения и всем вокруг принимала роды, выводила червей из коров и лошадей на соль с водицей и была признанной и умелой ворожеей. Пыталась она маменьку, которую очень любила, учить, но маменька была рассеяна и ничего не запомнила. Больше маминых предков я не помню, да и те сведения, что есть, излагаю главным образом со слов старшей тетки, которая может говорит и правду, а может что и не так, не знаю.

Со стороны отца я происхожу вот именно из интеллигентной семьи. Когда я смотрю семейный альбом моих отцовских родственников, я просто с трудом верю глазам, так они типичны и литературны. Мечтательные и энергичные барышни, неподкупные и окрыленные лица мужчин – предреволюционная пора. Все они, включая моих деда с бабкой, были профессиональными революционерами, на всех были дела в охранке, все возились с бомбами и нелегальной литературой. Дед и бабка были членами именно "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", а не какими-нибудь террористами из "Черного передела". Они работали с Лениным, бабка моя сидела при царе с Крупской, дед хорошо знал Цурюпу, Троцкого. Но у меня не было никакой потребности в расспросах: между мной и дедом никогда не было близких отноше-

ний, и как я теперь жалею, один Бог знает.

Дедов родитель был статским советником, вроде педагогом, остальные предки – духовного звания, но основатель фамилии был татарин с длинным прозвищем, на конце которого стояло Ун кыс, что значит десять дочерей. Он был при Иване Грозном представителем Золотой Орды, и когда дела России повернулись к лучшему, прошел через руки Малюты Скуратова и был сослан в Рязань, где и жили затем все Унксовы. Бабка была из польско-украинского помещичьего рода Пш...-П... Про ее родню мне ничего не известно. Историк Покровский, именем которого некоторое время назывался исторический институт в Москве, – наш родственник. Питерская ветвь Покровских, большая семья, вся вымерла от чахотки после войны уже на моих глазах. На всей отцовской родне был отпечаток какой-то обреченности, нежизненности, угасающих сил.

Дед был человек чувственный, очень наверно умный, блестяще образованный. В 30-х годах он сидел, и выручала его сама Н.К. Крупская, но он успел отморозить себе нос и получить чахотку. Был он скуп и по-своему честолюбив. В доме его – он жил в одной из комнат бывшей своей квартиры – ничего лишнего не было. Книги, очень скромная, но добротная мебель, гравюры, мельхиор. Это было сознательное отречение от какой бы то ни было роскоши: опять же типичный интеллигентный дом. Папеньку моего, несмотря на треволнения войн и революций, а впоследствии уже более чем скромную жизнь, учили дома. В школу он пошел всего

на полгода, чтобы получить аттестат. И дед, и отец прекрасно знали языки. Дед в конце жизни читал уже только по-французски Дидерота и других. Разочарование его грызло страшное, целые дни он проводил в высокой венской качалке, осмысливая опыт французской революции. "Если б я мог, я бы умер", – говорил он вполне равнодушно, уже после смерти жены, за которой ухаживал и убирал до конца.

Жена его, моя бабушка, погибала страшно. Она была здоровым, в молодости очень энергичным человеком, но в домашней жизни совершенно беспомощным. Дед варил, покупал и готовил, выбирал ей платья и ходил на базар. Она же занималась педагогикой и революцией. После тридцатых, когда все стало ясно, она еще пережила войну, а потом стала медленно и беспричинно умирать. Сначала она прилегла на час-другой, потом на день-другой, а потом уже и не встала. Начались пролежни, сердце было здоровым и помирала она очень долго. Близких никого не было, но были преданные ученики и несколько армянских семей, спасенных во время резни, и эти люди помогали деду. Потом умирал дед, сиделка спалила библиотеку, ничего не осталось. Как дед оказался в Баку, я не знаю – учился он в Москве.

Вот и все, что я знаю о родных. Таким образом, кровь у меня довольно пестрая, но никакого особенного тяготения ни к одной из многочисленных родин у меня нет. Таковы, наверное, все русские. У многих из них, в том числе и у меня, совковые резцы. К национальному вопросу я всегда была равнодушна, но экологическое чувство

родины и языка, невероятных духовных возможностей, хранящихся и перетекающих именно в Русском затомисе, было всегда во мне необычайно сильно. Муж мой русский, владимирский. Об отце и матери я буду говорить уже по впечатлениям детства. Родилась я в Алма-Ате, вскоре после начала войны.

*

Итак я жил тогда в Одессе...

В утробе матери, как Сальвадор Дали или моя дочь, я себя не помню. В Алма-Ату мои родители приехали чуть не до начала войны, да там и остались. До этого они жили в Питере, где родилась за пять лет до меня моя старшая сестра Марина. Предвидя лихую годину, бабка моя, которой не раз приходилось терять все до последнего, продала что было из имущества и до начала голода успела купить кроликов и коз. Огород, эти домочадцы, которых я всех помню по именам и характерам, да козье молоко помогли нам выжить. Но было, наверное, не очень сладко – иначе бы не врезался в память хлеб, который мне давали помакать "сколько хочу" в тарелку с постным маслом (никогда я потом не могла поверить, что то, что я ем теперь, это то же, и словить еще раз этот полный довольственный густой вкус), да случай, когда зарезали нашего свирепого козла Язона, сидевшего за домом на цепи. Козел был черно-пестрый, грозился и

вонял, боялась я его смертельно. Его подруга Медея задохлась, потянувшись за листиком и упав с кручи. Таким образом, бедные животные пали жертвами своих аттических имен. До сих пор помню крик: "Медея! Медея задушилась!" Но ужаса у меня это не вызвало. Я привыкла к тому, что животных ласкают, а потом режут, я чувствовала за этим жесткую этику голода, от которого отрабатывались каждодневно, не покладая рук.

В пригороде, уже у ближних отрогов гор на берегу Малой Алмаатинки стоял большой дом, со всех сторон (или так запомнила) окруженный верандой. Дом был ведомственный, в нем жили геологи-сослуживцы со своими семьями. Топография местности настолько для меня ясна, что я бы, кажется, и сейчас нашла это место с закрытыми глазами, но его больше нет – реку перегородила плотина, и там что-то вроде водохранилища или ГЭС.

Я спала все детство на стульях – зимой в комнате, весной и летом на веранде, где впервые и вспомнила себя. Сколько мне было, не знаю, но ни говорить, ни ходить, ни сидеть я еще не умела. И даже еще не хотела. Ребенок знает и понимает все. Я помню себя и спинки стульев и даже то чувство неловкости за свою неустроенную постель, которое, видно, передалось от бабушки и мамы. Бабушка и соседка за большим обеденным столом, далеко справа у больших окон веранды, бойко говорят по-латышски. День пасмурный, мне хочется писать и обидно. Я чувствую, что они рады поговорить друг с другом на своем, а не на моем языке. Я чувствую, что

соседка никак меня не любит, и что бабушка любила бы ее меньше, ежели бы не язык. Я праведно кричу (бабушка высаживала младенцев с первых дней жизни, и уже в три недели они бойко просились). И обида становится горше оттого, что бабушка не слушает меня. Она слышит, но притворяется, что не слышит моего крика, что это просто крик. И вот подо мной теплая лужица. Пеленки сбиты, мокры. Мне холодно. Пасмурно (я всегда знала, какая погода снаружи). Я опять кричу. И опять меня стараются не услышать. Новая лужица. Бабушка подходит, сердито подкладывает под меня сухой край, и мне обидно втрое, потому что я знаю, что так нельзя, что надо меня завернуть в сухое обстоятельно. Болтовня за столом. Я стараюсь всеми силами, чтобы соседки не стало. Третья лужица, бабушка подходит и шлепает меня в сердцах. И это несправедливо уже до помрачения разума. Где-то я знаю, что мне придется остаться с этим горем на всю жизнь, потому что бабушка не чувствует себя виноватой, а поэтому не будет утешать. Так оно и случилось. Какие раны мне ни наносила жизнь, чувство безысходности я познала именно тогда, и тем горче, чем больше я затрачивала силенок на то, чтобы так рано научиться проситься, за что меня много и ласково хвалили. Наверное, то же испытывает прирученный, а потом брошенный зверек.

Ранняя весна. Утверждаю: именно РАННЯЯ и ВЕСНА. Меня выносят из дому на еще не просохшую где-то внутри кучу опилок. Помню чувство этой глубоко запрятанной влаги под сухой и теплой для взрослых поверхно-

стью. И знание, что они, взрослые, этого не знают. Вынесла меня тетка. Я начинаю машинально сгребать опилки в кучу. Помню, что детский сон не проходит – я делаю это во сне. Прибегает бабушка, потом мама. Зовут отца. Все хвалят и удивляются, что малютка так рано сделала первый "домик", а у меня это вышло случайно. Я знаю, что меня хвалят зря, я не потрудилась. Но уже могу повторить, потому что меня разбудили. Мне не тепло, а всем взрослым жарко. Я уже могу немножко сидеть, но спинка держит меня еще плохо.

Новый год. Все клеют для елки цепи. Елки нет. Представляется, что это пальма (может быть, какое-то другое дерево, а пальмой его назвали в шутку?). Ножницы, клей. Цепи делают из американских этикеток. Запах этих вощеных коробочек с сигаретами "Кемел", – запах яичного порошка и остро прохладных эссенций, пахнущих шоколадом, – я помню до сих пор. Я азартно рву этикеточки и складываю их в банку – работаю вместе со всеми, предварительно поскандалив для того, чтобы получить работу. От меня пытались отмахнуться, но не тут-то было! За окнами снег и это всех удивляет. Каждый Охотник Желает Знать Где Сидят Фазаны – Как Однажды Жак Звонарь Голубой Сломал Фонарь – цвета радуги. "Голубой" мне кажется "не по-честному" – не должно быть цветов, если есть эти слова чтобы их спрятать.

Я почему-то сижу в постели, может быть просто еще не умею ходить, – ребенком я была слабым, чуть не уморили в роддоме. Как рассказывает мама, я все срыгивала, а меня никто и не думал докармливать. И я начала

"на глазах сохнуть, заострился носик, обвяли и сморщились щеки". Мама убежала из роддома, и дела мои начали поправляться, но здорового детства у меня после Алма-Аты не было. Там, в роддоме, мать меня показала старшей сестре. Сестра сказала: "какая маленькая – Дюймовочка!" Прозвища "Дюмка", "Дюм" так и остались за мной для близких людей на всю жизнь.

Вообще же, самое мое постоянное чувство в раннем алма-атинском детстве – это сон. Сон, золотой и солнечный, от которого меня будят события и разные люди. Отношения к себе, отношения взрослых друг к другу, самые тайные, невысказанные, я понимала безошибочно, и сейчас, часто путаясь в мотивах и ситуациях, я никогда в помыслах не ошибаюсь. Видно, это тоже атавизм. То же я чувствовала и в животных, но и в кроликах, и в козах я ощущала прежде всего беспрерывный, живой и деятельный страх, который часто помрачает им разум, поэтому я твердо знала, что даже кролик и овца могут укусить со страху, и мне не хотелось трогать их горячечные спинки. Наверное они предчувствовали свои убийства, да и я про это все знала, хотя мяса нам почему-то совсем почти не давали, видно, меняли на овощи или масло.

Я помню так много, что нет смысла рассказывать обо всем, но несколько столкновений с первыми в своем роде эмоциями мне хочется отметить. Помню, как меня вывели в сад, чтобы показать дяде, который пришел в гости к маме. Особое отношение к ней (мать была в молодости, да и потом осталась, редкой, тонкой и благо-

родной красоты женщиной) я сразу почувствовала по его неуловимой скованности, по настороженной подтянутости бабушки, по чуть заметному, тщательно спрятанному оживлению маменьки, внешне выраженному в суровости. Дитя тут было как бы не совсем бескорыстно. Я понимала, что и на мне какая-то роль. Так же я понимала, что есть еще одна субординация, в которой этот дядя стоит высоко, и от этого ему дополнительно неловко. Он в коричневом пиджаке с толстыми полосками, в светлозеленой шелковой рубашке, в галстуке с чем-то красным. Он говорит, что его дочь уже рисует человечков и спрашивает – не умею ли я? Мне дают карандаш, синий и толстый, и толстый кусок бумаги. И я сейчас нарисую прекрасного человечка, знаю как: точка, точка, запятая, минус, рожица кривая... Я беру карандаш и с удивлением вижу на листе кривые и жалкие синие полосы. Я не могу поверить в свое бессилие, но уже вижу, что рука безнадежно едет в разные стороны, и мне никак не понять – почему, если я все так ясно представляю, я ничего НА САМОМ ДЕЛЕ не могу. Тоже на всю жизнь, крепко.

Помню, что долго, почти до семи лет, я не могла сосредоточиться настолько, чтобы читать или видеть что-то на экране. Меня ведут в кино, кино на открытом воздухе, деревянные скамейки, земля, без взрослых. Меня держат за руки кузен и сестра. Но я вижу только черные и светлые пятна, у меня кружится голова, как от карусели, подташнивает, и я опять нестерпимо хочу "пипи".

*

Помню свой неистовый крик в трамвае и свое внутреннее удивление: внутри меня все спокойно, мне интересно и весело, но я слышу свой неистовый крик и не могу перестать. Нет повода, зацепки, внешнего утешения. Наконец, мне дали потрогать живого воробышка, который был за пазухой у мальчишки, и, дотронувшись до его тепленькой головки, я к своему облегчению затихаю. Помню как мы с теткой ходили – далеко, к какой-то портнихе Любе, которая мне очень понравилась – в ней была искренняя нежность к ребенку. Она была мягкая и несчастная, в ушах – большие теплые серьги с камушками. Мне дали поиграть множеством разных пуговиц, среди них были настоящие для меня драгоценности – мягкие, светящиеся красным пластмассовые диски и шарики. Потом пуговицы сложили в небольшой матерчатый мешочек. "Это тебе" – сказала Люба особенно ласково и, я крепко вцепилась в мешок с сокровищем. Дома тетка без долгих слов отобрала у меня мешочек. "Это же мне!!!" Но тетка только рассмеялась. Ей было не понять собственного коварства, а у меня чуть не разорвалось сердце. Я не стала просить и плакать, я всегда знала предел взрослого понимания и его маленький запредел, куда можно было добраться криком и слезами. Знала, где со мной просто небрежны, а где я вхожу в чужое государство, где можно и нужно просить снова и опять, а где нужно просто уйти.

Помню, я сделала пирожок из глины. В это время из

школы пришел мой кузен (это значит, мне было три года, потому что я чувствовала, что он пошел в школу недавно, еще очень там волнуется, от него пахло новобранцем). Я шутя предложила ему пирожок и он разжевал его с самым серьезным видом. Бесконечная волна признательности горячо нахлынула на меня: ведь даже символическое поедание пирожка – очень много для такого уважаемо занятого человека! Нежность эта помнится мною и поныне и надолго определила наши с кузеном отношения.

Дети вокруг беспрерывно играли в войну. Я тоже бегала вокруг дома, хотя бегала я плохо и в игру меня по малости лет не брали. Однажды я сидела и варила из песка и воды свои каши, кругом дети бегали войну, и я чутко прислушивалась к их игре. Вдруг случилось чудо: в одной из кастрюлек – ими были, конечно, пустые консервные банки – вдруг засияло НЕЧТО. Не знаю до сих пор: попался ли мне особый комок глины, или случилось своеобразное Претворение Детской Каши, потому что вдруг я почувствовала Благодать. Это было чувство ВНИМАНИЯ КО МНЕ, необычайно ласкового и сильного, мощно сливающего воедино то, что я знала о любви через взрослых, в общем-то не баловавших и не ласкавших, но отличающих меня от других детей, как я то инстинктивно чувствовала; ВНИМАНИЕ то шло отовсюду и ниоткуда и я спокойно и радостно приняла его, не доискиваясь причин, и тут же каша в моей мисочке – да! это была мисочка, превратилась в ярко-оранжевую, мягкую и сияющую массу невиданной, совершенной красоты. Мне

и в голову не пришло попробовать ее. Я только с неистовым наслаждением мешала и мешала ее деревянной палочкой, а она завивалась, играя мягкими, нежными спиралями. Как темный смерчь налетела моя старшая сестра. Мы обменялись мгновенными взглядами, и я поняла, что все погибло. Молча она выхватила у меня драгоценный сосуд и убежала с добычей. Она была старше меня на пять лет, играла в войну среди взрослых детей, и я чувствовала, что в ее игре было главным – мальчик Саша Быков из соседней веранды, – зачем же ей была каша трех- или двухлетнего ребенка? Но инстинкт вел ее безошибочно, и я знала, что она все равно прознает любое мое сокровище и унесет его. Так было все наше детство.

Чувство чуда не прошло, в утрате его не было вины. Но с тех пор иногда начало ко мне приходить ощущение причастности к миру большему, чем люди, камни, река и небо, война, животные и вечно маячивший голод вокруг меня.

Дед недаром заронил свое завещание. Чувство стыда пришло ко мне через детский сад. На соседней веранде жила маленькая девочка Ляля, с которой мы часто играли. Я любила Ляльку, но она была чужого мне мира, я кожей чуяла в ней мир ее семьи, совсем не похожий на наш семейный обиход. У нее была бабушка, вроде бы хирург. Она работала. И жесткий этот мир доносился до меня через Лялькину маленькую плоть. Именно плоть, а не душу – это было чисто телесное ощущение – общались мы кожа о кожу. Однажды я увидела вдали маленький

отряд детей, медленно проходивший через мост позади дома. Я выбежала в небольшое путешествие посмотреть Лялю. Лялька шла "в паре" где-то в середине, на всех детях висели маленькие сумочки для платков, их носили через шею на длинной тесемочке, тогда это был непременный атрибут детсадовского дитяти. У Ляльки сумочка была хорошенькая, темная и две большие вышитые ягодки. Она заметила меня краем глаза, но что-то очень серьезное абсолютно исключало нашу встречу, и я знала, что она по-своему права. Грустно побрела я домой, но это был еще не стыд, а только тошнотное недоумение.

Воскресенье выдалось жарким, и нас выпустили голеньких в сад. Я бродила по саду, купавшемуся в ясном солнышке (ни разу в детстве мне не было жарко, лучи только ласкали меня и никогда не жгли), и спала своим обычным золотым сном. Мне кажется я не шла, а плыла, и вдруг из клубящейся золотой волны выплыл навстречу мне Лялькин голый пузик, и тоже плыла и тоже спала, хотя она спала наяву очень редко, а я почти все время. Мы плыли навстречу, рады своим узнаванием. Это было другое, не игра, а общее плавание, радостное чувство немного заговорщической общности. Мы плыли и плыли, это было очень долго, обе совершенно голенькие, пока наконец не столкнулись нашими вздутыми пузенками. Столкнувшись, засмеялись и столкнулись уже нарочно опять. И тут пришло чувство неистового стыда. Наготы и плоти. Слабый отголосок того, что испытывают малознакомые люди после соития. Я не знаю, что это, но с тех пор я не могла видеть Лялькину сумочку, я чую

этот воздух до сих пор над маленькими группками организованных детей, я за версту "по нюху" могу узнавать их воспитательниц и нянь. Это чувство владеет мною и в больницах, особенно женских, и я твердо знаю – до семи лет ребенок должен оставаться дома среди своих – иначе он будет безнадежно искалечен.

*

Еще нужно вспомнить о мужестве...

Берег всегда непереносимо холодной, ледяной Алматинки – маленькой речки, которая очень зависела от погоды, и иногда была мелкой, может быть, по колено, а иногда такой страшной, что от нее берегли детей (она всегда оставалась бурной). На нашем берегу лежали огромные валуны, накалявшиеся от солнца так, что вокруг них царил особый жар. А на другом берегу был где-то пивной завод. Берег тот был покрыт черным гравием, и на нем зеленели и сверкали темнооранжевым разбитые бутылки.

Помню страшную ногу Саши Быкова у нас в глубине комнаты, темной от яркого солнца снаружи. По ноге ползет густая пузырчатая кровь, подошва ноги развернута. Наступил на отбитое горлышко. Взрослые сосредоточены. Булькает вода, пахнет нашатырем – я знаю, нам мазали им укусы ос и слепней. А Сашина бабушка (он был лялькиным братом) – хирург! Но так уж повелось в доме, что на все чрезвычайные происшествия есть моя

бабушка и тетка. Они отвоевывают казенный сад от воров с нестреляющим старым ружьем (это от воров-то военного времени!). Они зашивают рубленные, колотые и прочие раны, которых было много у незадачливых интеллигентов, впервые сражавшихся с сухой алма-атинской землей и горным кустарником за хлеб и топливо; они решают подчас довольно жесткие имущественные и взаимоотношенческие споры. Кира Николаевна! Кира!.. И тетка со стуком кидает нож или швыряет метлу и меня, и я слышу всем тельцем этот твердеющий смерч энергии, который мчится мимо меня на улицу: расставить по местам, спасти или вызволить.

Слово ВОЙНА было данностью. Мы (я с уверенностью говорю МЫ, потому что чувствовала одновременно за всех детей сразу) плохо понимали что за этим стоит, но напряженная, отчаянная, заслоняющая нас жизнь взрослых и была для нас ее живым воплощением. Сосед повесил в подвале кота, который мешал ему работать своим мяуканьем. У нас – рыжий кот Тришка. Гроза. Мы лежим в постелях и боимся, что Тришку тоже повесят. Боится главным образом сестра, она говорит вслух, ко взрослым, может быть ожидая от них решительного: "Глупости! Спать!" Но взрослые быстро увлекаются темой сломленного, голодного человека, дошедшего до приступов вивисекции, и забывают дать свое вето на страх. Грохочет гром, ливень. Игорь, кузен, боится молча, добросовестно подыгрывая сестре, а я не знаю – бояться или нет. Мне хочется бояться, я боюсь отраженным страхом, но сама его еще не знаю. Он придет ко мне

внезапно, не так уж поздно вечером, уже в Питере, когда мы снова все втроем будем лежать в кроватках, и вдруг – сразу все трое – оцепенеем от мертвящего страха, оцепенеем замертво, до давленного крика. И мама войдет стремительно и мгновенно, зажжет свет, скажет несколько посторонних слов, но я буду твердо знать, что она ВСЕ ПОНЯЛА, как только открыла дверь, может быть, еще раньше, уже спешила, уже давно шла к нам. Мать моя, к нам рассеянная и в навыках плохо нас знавшая, очень это умела.

Еще о животных.

Кролики и козы были разные. Тришка был уклончивым и малоконтактным, изнутри я его не знала. Нэля была безрогой козой и забодала меня, когда я сидела на веранде, играя медведем, набитым опилками. Она, собственно, хотела сожрать медведя, а я ей попалась под рога. Толкалась она пребольно, а главное это было неожиданно и противно. Коза ничего не понимала, я ничего не понимала, из медведя сыпались сухие опилки, его плотная сущность, с которой я общалась, разрушалась на глазах, становясь старой непоправимой тряпкой. Нэля без памяти убежала, меня куда-то унесли, и тоже как-то криво, неловко, обидно смеясь, толком не утешив.

Любимицами моими, тетки и бабушки были коза Таня и крольчиха Пухинька, которые быстро вросли в семью. У них было что-то общее со мной – я тоже семью понимала и была с ней по возможности покладистой, именно, как Таня и Пухинька, именно также – на зверьковый вид.

Крольчиха была мягкая, белая, пушистая, никого не боялась, исправно рожала крольчат. Рядом с ней жила (и Пухинька от этого нервничала) другая, тощая и страшная. Дух враждебности, нервов и злобы, одинаково мне слышный и в людях, шел от нее. Детей своих она регулярно сжирала, никто не мог за ней уследить. Остальные животные были неяркие, как многие наши соседи, озабоченные едой. Но эти – Пухинька и Таня – были свободны для доброты и ласки. "Это Танино молочко", – говорила мне бабушка, и мне верилось, что оно особенно сладкое.

Всякая аналогия хромает, но в человеческой жизни почти нет постепенных изменений. Словно какая-то стрелка властно переводит ее на другие рельсы, и случается это однажды и навсегда. Так и я подхожу к решительнейшему моменту моей жизни, навсегда определившему мою судьбу.

Был особенно жаркий день, и меня привели на берег Алмаатинки вместе с другими детьми. Дети купались, и меня тоже окунули в ледяную купель. Жесткие струи безжалостно охватили тельце, зашлось дыхание. Меня посадили у теплого валуна, и я спросила: "Почему такая холодная вода?" – "Она течет со снежных гор, вот оттуда", – сказали мне, и повернули меня направо. Этот поворот, смуглая рука высоко надо мной, и мой, поднятый от солнечной пыли над водой, рассеянный взгляд... В пронзительной синеве там далеко виднелись две ослепительно белые неравные вершины абсолютно недоступных гор. Ослепительно голубые, царственные, неприкосновенные. НИКОГДА! толкнуло и сотрясло меня, и толчок

этот ушел в землю и качнул ее под моими ногами. НИКОГДА и НИКОГДА я не поднимусь, я не буду стоять там, я не буду с ними, я не буду ИМИ – НИКОГДА. И мир вокруг меня потух. Он погасал в моей жизни не раз и всегда внезапно загорался снова, и каждый раз мне казалось, нет я знала, что это уже навечно. Но оставалось смутное ощущение того, что без борьбы и работы ЗА ЭТО, без вечного ожидания ЭТОГО мне уже не прожить: горечь, нет, разрывающая все тело тоска, и мощные столпы лучей, толкнувших и поддержавших меня в тот миг.

Так кончилось мое золотое детство, потому что – мне кажется сразу кончилась война. Крики: "победа! победа!" Радость и чувство перемен. И мы долго, кажется, три недели, тащились в темном тошном поезде в Питер, и там поселились в страшной, без пола, с сырыми стенами, грибами в клозете и отставшей штукатуркой, полуподвальной квартирке с длинным коридором, большой кухней, кишевшей крысами и мокрицами, и тремя маленькими комнатухами, где и живем до сих пор.

Надо мной опустился черный полог. Я тяжело переносила перемену климата, полуголодное, без витаминов, северное существование. Спали на полу, вернее на половинке дивана, вытащенного из помойки, иногда – на ужас неудобных высоких и шатких экспедиционных раскладушках-сороконожках. Я сразу пошла нарывами, лицо было навсегда изуродовано, светлые вьющиеся волосы были острижены наголо и прорастали темным нестойким пухом. На душу спустился мрак. Я изнывала от тесноты,

от ощущения, что Я МЕШАЮ, непереносимого для меня и поныне. Думаю, что на самом деле мне нужно бы целое крыло то темных, то светлых пустынных комнат, где я бы бродила, разбрасывая и собирая свои бесконечные бумаги – усталость от тесноты сдавливает мне горло. А скоро случился и настоящий приступ клаустрофобии, к счастью, в такой полной мере единственный в моей жизни. Был куплен светлый, не новый, а потому особенно приятный каким-то достойным запахом состоявшейся жизни, шкаф. Его заволокли в коридор. В просторное отделение для белья, еще совсем пустое, поставили меня, и... закрыли дверцу, в которую было вставлено небольшое красное стеклышко. То, что случилось за этим, трудно передать. С головой абсолютно ясной, вполне соображая, что вся семья стоит у шкафа, любя меня и улыбаясь мне, понимая и не боясь его благожелательной сердцевины, я стала молча корчиться от непереносимого, нечеловеческого, превышающего меня ужаса, не в силах даже пискнуть. Мать – мать стремительно открыла дверцу и вытащила меня полузадушенную, хрипящую, с закаченными глазами и прижала крепко-крепко к своему целительному телу, в которое мой ужас входил толчками.

Помню грязно-сладкий запах помойки, гири на чугунных цепях – помойка была прямо под нашими окнами. Битюг и флегматичный конюх, вилами поднимающий на воз дымящуюся волокнистую жижу. Помню крыс, висевших на этих гирях, и других, которые плотно – спинка к спинке, – сплошной лоснящейся массой обсели другую

помойку, за домом. Помню наших соседей в другой, такой же кишкообразной квартире рядом с нами. Бешеную, недобрую, но наделенную той же выживательной силой, что и мои, Анастасию Матвеевну, ее беспутную дочь Ляльку, наверное, очень красивую, но не запах красоты и чистоты, как у моих, а именно призвук беспутства, пряный и беспомощный, был для меня особенно привлекателен в ней. Ее любовником был известный хирург Я. Часто она полушепотом пересказывала бабушке свои злоключения и показывала необычайно красивые рубиновые на платине старинные украшения, которые он ей дарил – то кольцо, то брошь, то что-то на цепочке. Это все не шло Ляльке, становилось на ней стекляшками и мишурой, но у бабушки на натруженной короткопалой руке вдруг наполнялось опять полновесной силой. Лялька же как-то слабо смахивала все в свою узкую, в редких бледных веснушках ладошку и улыбалась прозрачными бледнорозовыми губами, на которых отдельно сидела помада. Изысканность этих длинных, глубоких по цвету камней, форму которых я навсегда взяла себе, особенно подчеркнутая бледность платины – все это дышало неимоверной грустью, в которой я верно угадывала отклик с огромными ивами в соседнем с нами запущенном петровского времени парке, в котором двухсотлетние дымчатые, умирающие уже деревья росли на обширных битых пустырях.

На пустырях сияли кузнецовские осколки орлами на изнанке кобальтовой подглазурной синевой, тонкая истертая позолота чашек, обломки фаянсовых туалетных

тазов, синие, красные, иногда особенно тонкие оранжевые стеклышки. Нагретые стены домов источали подавленное, сырое, но тепло. Около них росла трава и я постепенно отогревала душу. Я беспрерывно, изводно болела. Болела от отчаяния, от изгнания из рая. Жизнь я сносила с терпением, но желания к ней у меня не было. Прошло несколько лет – выездами на дачу, где солнце на минуты возвращало мне целительный детский сон, с более тесным общением с кузенами и сестрой, с вечными очередями, где я паслась со своей бабушкой целые дни, – пока наше жилище, а вместе с ним и я, не начало наконец как-то жить и дышать.

Мать моя, тяжко работая – тогда был чуть ли не двенадцатичасовой рабочий день, а для интеллигенции он и вообще длился бесконечно, – ночами делала отчаянные усилия, чтобы придать нашему дому вид человеческий и даже пристойный. Появились крахмальные вышитые наволочки, камчатные скатерти, серебро, цветы, даже зимой, гортензии, хризантемы и примулы, большой обеденный стол. Помню, высокие хризантемы стояли внизу под столом и свешивали свои изогнутые круто головки. Появился большой дымчатый кот, очень свирепый, несмотря на операцию. Он давил крыс и не выносил шума – вцеплялся в ноги до крови. Привезли пианино, и начались занятия, мучительные, с безграмотной учительницей, которая сама пошла вряд ли дальше Детского альбома Чайковского, но была настолько переполнена самолюбием, что оно ей мешало говорить, как иным мешает зоб. Она тихими резкими вскриками мстила нам за-все-про-все

и дай ей волю, сломала бы мне все десять пальцев – я ясно слышала в ней это жгучее желание. У маменьки же по отношению к ней был приступ корректности, иногда ослеплявшей ее до полной потери ситуации, и она ей все прощала, пока на экзамене в музыкальную школу не оказалось, что мне вправду почти безнадежно выломали руки. Если бы я могла, я бы провалилась сквозь землю от этих уроков, но сама, одна, я очень любила подойти к пианино и часами нажимала всего несколько нот, главной из которых была нота си-бемоль: все сказки – мне уже тогда много читали – оживали для меня именно в этой ноте, Осенняя песня Мендельсона и вальсы Шопена, которые папа, глубоко закусив губу, иногда поигрывал, запаздывая мелодию, что создавало дополнительный тоскливый эффект. Замки и озера, замолкшие фонтаны и статуи с отбитыми руками, воплощенные для меня въяве в пустырях и гипсовой, поверженной в крапиву статуе одноногого мальчика в длинных ненужных трусиках (я много рассматривала толстую книгу Эллада), дымные умирающие ивы, свободные закаты, смутный призрак потерянного рая, и иное воплощение ЭТОГО НИКОГДА – все для меня сосредотачивалось в ноте си-бемоль, холодной, меланхолической, особенно безнадежной. И эта же нота, а также другие, например, верхнее до, имеющее для меня солнечно-травянистый смысл, или нижнее, твердое, бодрое и волевое – все эти ноты начинали бессмысленно рявкать, лишь только я соединяла их в веленую мне мелодию судорожно сведенными пальцами.

Помню для той промежуточной поры громкие разгово-

ры за столом, чуждые всем нам, но вежливо поддерживаемые всей семьей. Наша семья была, повидимому, самая благополучная в огромном нищем доме, наполненном запахом трески, снетков и прогорклого постного масла. И мать подкармливала какую-то туберкулезную семью – нежную девушку Тоню с необыкновенной кожей, очень застенчивую, и ее исхудавшую мать, типичную коммунальную стерву со впадинами вместо щек, вечно громко орущую: "Верно я говорю? и вот я ему... а она мне... ест". Она скоро умерла от рака, а девушка больше не приходила. Кроме того, помогали продуктами прачкам, поломойкам и прочим помогающим женщинам из нашего дома: кто-то почти всегда жадно ел на кухне какой-нибудь суп. Посеешь добро в воду, оно взойдет в пустыне. Когда у меня родилась дочь, объявилось много добровольных нянек для дитяти, и целый год я продержалась на работе благодаря их помощи. А они вспоминали мать и бабушку, которых давно уже не было здесь.

Когда в нашем доме появилась пишущая машинка, я стала перебирать буквы, а потом почти сразу писать.

Мы с Мариной, моей сестрой, в те годы играли в длинную игру; своеобразная Швамбрания была у нас задолго до знакомства с этой книгой. У нас была карта местности на берегу уже мифической Алмаатинки. Там, и на том, и на этом берегу располагались дружественные и враждебные монархии, для мальчиков и девочек до 14 лет. В Карицарстве я была инфантой, а Марина – герцогиней Львогербской. Даже наши гербы ясно отражали разность наших темпераментов – у нее лев в венке из красных

роз, у меня – чайка над морем в венке из незабудок. Я не помню других названий, а карта потерялась с годами. Бесконечные перипетии наших отношений с соседями и придворными, которыми часто неожиданно для себя оказывались девочки с нашего и соседних дворов, я предоставляла своей деятельной сестре, сама же отдавалась пребыванию в вымышленных странах с упоением человека, которому совершенно нечего делать на этой земле.

Болезни мои, особенно с тех пор, как я пошла в школу, достигши 7 лет, я хорошо читала и писала – подтачивали меня все сильнее. Наконец, открылся туберкулезный процесс, из школы меня забрали. Этим (туберкулезом) я обязана своей учительнице, ненавидевшей меня, чего я совсем не замечала. Когда у одной из девочек обнаружили туберкулез, она посадила меня рядом с ней, отдаваясь бессознательному комплексу, и я заболела мгновенно. Я же ее любила, совершенно не чуяла тайных ее интонаций, но крепко их запомнила – привычка запоминать непонятное – так, как оно есть, осталась во мне: я же еще не сталкивалась ни с завистью, ни с недоброжелательством, ни с чувством превосходства.

*

Время от переезда в Питер до второй школы было самым мучительным во всей моей жизни. Некрасивая, с разбухшим от нарывов носом, который я чувствовала как чужой, бритая, в старом поношенном мальчиковом

костюмчике, с вечно натянутой на бледное лицо улыбкой – я испытывала, как мне теперь кажется, одну непрерывно ноющую муку. Любой самый назначительный поступок длился во мне нескончаемым стыдом (например, сорванный с клумбы цветок, за который погрозила мне в окно хозяйка дачи в Ассари). Мне все было мучительно, все хотелось переехать, уйти, кончить. Начать где-то и что-то снова. "Улыбайся! – жестко говорила мне мать, раздраженная, видно, моим тайным страданием. – Человек ДОЛЖЕН улыбаться". И я, помню, научилась улыбаться без противоречия с собой так, чтобы чувство отвращения к себе, полностью захватившее меня, не угасало – это была медленная улыбка, двигавшая мне уши, но не раздвигавшая рот. У меня всего три детских фотографии, но верно передающих не случайные состояния – на двух я сплю, а на третьей вот так улыбаюсь.

Я чувствовала, что, опротивев себе, я опротивела всем. Долгие слезы, просьбы о ласке ни к чему не приводили, а только дальше отдаляли меня от взрослых, привыкших к моей приветливости, и не имевших ни времени, ни сил со мной возиться. Что делала бы я тогда без сестры, как выжила бы без охоты выжить? – Не знаю. Наверно помогли игры с ней, долгие прогулки по Питеру, по его прекрасным местам, по городу, который был для нас всегда пустым и наполненным НАШИМИ сокровищами: Эрмитаж, куда мы ходили вдвоем чуть ли не с моих пяти, а ее десяти лет; Малый зал Филармонии, куда маменька купила нам абонемент в год открытия, сорок девятый; стихи, которые открывала она для себя и тут

же переоткрывала мне (у нее был редкостный, необычный дар на пронзительные строчки:

"О, любовь моя незавершенная,
в сердце холодеющая нежность".)

Ее настойчивые усилия научить меня не только читать, но ЧИТАТЬ (в смысле занятия), которым я долго сопротивлялась (читать я не любила), и все это очень постепенно, больше отвлекая, чем завлекая, спасло меня от ужаса тех лет. Моим первым чтением были: Сетон-Томпсон, в котором моя сестра умела найти строчки вроде:

"Сосна вечно шумит и вздыхает,
Осина дрожит и трепещет...",

книга Эллада, полная голых героев (причем мне почему-то казалось, что живые герои и боги носят фиговый листочек, а когда они умирают, то листочек с них спадает, но тела своего я до сих пор стыдиться не умею), и эмигрантский журнал "Жар-Птица", купленный родителями у тех же умирающих Покровских, которым мои родители, кстати, многие годы помогали деньгами и прочим. Этот журнал, который мы смотреть могли только после занятий, помыв руки, полный рисунков Натальи Гончаровой, Сомова, Серова, Борисова-Мусатова, Шухаева, Яковлева, – словом, цвета русского модерна, который я до сих пор считаю наиболее плодотворным периодом русской художественной мысли, – и этот журнал тоже спасал мне жизнь, утверждая и целя мою пронзительную ностальгию.

Конечно, меня особенно потряс, просто вывернул Рерих: это – МОЕ, ТО, СОКРОВЕННОЕ, подпитерское. В

первых моих стихах, а также в сказке "Ум и Я", которую я написала после посещения в первый раз Мариинского театра (должна была быть Снегурочка, а пошла Орлеанская Дева), наполнившего меня чувством царского и величественной театральной субординацией, виден мне этот мой далекий двойничек с вечным Кашлем, который стал моим верным слугой, – начитанное, интеллигентное, бойкое на язык, борзое на ум, бледное и больное ленинградское дитя.

Пойдя в школу второй раз, восьми лет, я проснулась как бы в первый же день занятий (я пришла в школу в третьей четверти). Уверенно взяв тетрадку, я написала на обложке фамилию и имя, чем привела в шок учительницу и детей, колупавших еще первые слоги (класс был на редкость слабый). Бойко прочтя строчки какого-то учебника, я почувствовала разительное для меня уважение в каком-то особом взгляде учительницы. Удовольствие, с которым она вывела мне круглую пятерку, никак не походило на реакцию предыдущей учительницы, упорно не желавшей меня слушать и злорадно ставившей мне тройки по чистописанию.

Сестра моя была честолюбива и трудолюбива. Она в соседней комнате иногда по нескольку часов зубрила вслух литературу и историю, так что все изустное я знала на пять лет вперед: в первом классе – целую главу Евгения Онегина, много и другого. Обратившись к первой же девочке за ручкой или перочисткой, я почувствовала вдруг свой крепкий, безусловно требующий подчинения, голос, твердо взяла прошенное и поняла, что спасена и

здорова. Я, конечно, в первые годы учения злоупотребляла и умом, и уверенностью, и открывшейся во мне властностью, закаленной в беспрерывных битвах с сестрой, которая как меня ни любила, но не могла удержаться от искушения отнять у меня все, от конфет до денег: пять лет разницы не шутка, когда они составляют весь твой возраст. Должно быть, я была довольно противной для своих одноклассников, но меня безусловно слушались и уважали, тем более, что я не реагировала на специальные девочкины дразнилки – типа "воображуля" и тому подобное. Я вслед за своей матерью ненавидела раздельное обучение, принимала его, как и многие вовне семьи (шли пятидесятые годы, начало), как стихийное бедствие, которому когда-то должен быть конец, и инстинктивно чувствовала, что способности, воля и разум выводят меня не за классные, а за возрастные границы, что учителя слабее, уже, замученные и робкие. Тем временем пришел пятьдесят третий год, а вслед за этим я перешла в другую школу, но это уже и другая глава.

От моего первого детства остались лишь несколько стихотворений, едва ли их было существенно больше. В них читатель найдет отголоски всего здесь писанного. Важно то, что с ними, с этими первыми, иногда смелыми виршами, замкнувшими мой "лермонтовский" период, пришло ко мне чувство, что я поэт, с тех пор почти никогда не покидавшее меня. Чувство это не было результатом творчества, а наоборот, предшествовало ему. Оно зародилось во мне, чтобы отвоевать от холода запредельного пространства заветное НИКОГДА, с которым моя душа не захотела и не может примириться.

*

Мне хотелось бы еще отдельно сказать о матери.

В родных своих она не вызывала сочувствия. Тетки относились с негодованием к ее эгоизму, рассеянности, невниманию к детям, полному неумению хозяйствовать, а также к тому, что она закабалила бабушку двумя, а потом и тремя детьми. Сослуживцы же отзывались о ней с редкостным уважением. "Твоя мать из тех, кто и золотом шьет и молотом бьет", – говорили мне о ней. В своей юности она работала в Средней Азии – в самые опасные, басмаческие времена. Но, видно, неистребимо было в ней чувство своей неуязвимости – так же неистребимо, как редкое в современной женщине, мною так и не встреченное больше, чувство собственного достоинства, какой-то тонкой, утвержденной, спокойной гордости.

В Средней Азии она возила по аулам верхом (посадка у нее была великолепная, природная, ездила она классно) отрубленную голову измучившего местное население басмача. Всегда ела с мужчинами. Ее открытое ровное спокойное лицо в беседах с аксакалами и сейчас на фотографиях тех лет внушает уважение, не утраченное со временем. Как грустно мне было слушать уже нынче, в семидесятые годы, свою приятельницу геологиню, которая рассказывала, что она, дождавшись отобедавших мужчин, садилась трапезовать с бабами и детьми. Не думаю, что европеянка может чувствовать себя уютно в такой ситу-

ации – или это иное совершенство, недоступное мне?

В ней всегда было (и есть) ощущение праздника – вина у нас дома почти совсем не пили, не курил никто, мать моя умела быть допингом для гостей – заводила их на разные, подчас дурацкие, но веселые игры, любила танцевать. Помню, однажды на пасху пригласила я гостя, которого сама знала еще плохо, официального скульптора-монументалиста, "украшавшего", к счастью, окраины Питера разными высокоидейными композициями – плакатами огромной величины. Он пришел поздно, выпил стакан водки в один дух, и как-то странно уставился на мать, которая в это время властным и шутливым движением завернула пробегавшего мимо рыжебородого молодого человека. Рыжебородый было застеснялся, но маменька повторила свой великолепный жест, и танец начался. "Что смотришь" – спросила я, заранее ревнуя его к своему дому. – "Хороша у тебя мать. Вот уж царица. А вы все чернавки по сравнению с ней".

Удивительным свойством на ней обладают украшения. На ее руке стекляшка в аляповатой оправе вдруг наливается глубиной, тверже становится блеск, тяжелеет "золото". Что я. Опытные люди ошибались. Ватник и тот сидит на ней как-то элегантно, во всяком случае социальный смысл любой самой непрестижной одежды перестает существовать.

Мать свою в детстве я обожала болезненно, страстно. Видела я ее редко, но участие ее в ключевых моментах моей жизни с лихвой искупало повседневную невнимательность. Именно это вечное "неприсутствие" порождало

во мне непрекращающуюся ностальгию по материнской ласке. На ласку она, видно, чувствуя несоразмерность моей страсти, да и вообще несколько обеспокоенная моей рано проявившейся чувственностью, эмоциональными взрывами, приступами плача, страха, неуемной радости и т.д. – в детстве мне было трудно научиться управлять всем этим, да и в молодости я еще помню вспышки совершенно ослепляющего гнева "белой ярости", и такие же неистовые "плюсовые" плясовые нервов,– была на редкость скупа. Голос у нее до сих пор удивительно чистый и мелодичный. И не для пения, а именно в разговоре, в интонации, всегда безупречной. И вот посреди колыбельной, которую она поет, слегка прихлопывая рукой по одеялу, она чувствует, как волны ностальгического блаженства подхватывают меня (я ведь знаю, что сейчас будет, и изо всех сил стараюсь себя не выдать, задержать нежность где-то на подступах, внутри). И тут же медлит руку, сухо, едва касаясь, целует меня в волосы и уходит.

Целовали нас только после долгой, многомесячной разлуки и тоже чисто символически, и вообще, строго требовали уважения к собственной жизни взрослых и никогда не позволяли себе при детях ни малейшей, даже чисто внутренней интимности. Помню поздний (для нас) вечер. Маменька собирается в гости. Только что она суетилась около, вся в родных домашних запахах, но вот она подсаживается к большому мутному зеркалу, и лицо под слоем пудры сразу становится чужим, не принадлежащим нам. Еще несколько взмахов пуховки, строгий рос-

черк помады и из маленького плоского флакончика выжимается несколько капель французских духов. Эти духи, непривычные в послевоенной и военной приторно-сладкой гамме, зверски-сухие, с резким отстраненным запахом сухого стрептоцида, подводили черту нашей последней близости. Осторожно наклоняясь, статная в длинном шерстяном платье, она касалась моего лба бесплотным поцелуем и уходила в другую жизнь.

Их было три сестры: старшая тетка Кира, мама и тетя Кари, моя тезка. Кари была много младше остальных сестер. В войну она осталась в Ленинграде. Письма ее из осажденного города надо бы как-нибудь издать, жуткие именно в своей обыденности документы. Кое-как, кажется в сорок третьем году, она выехала к нам в Алма-Ату, опухнув от голода и навсегда покалечив печень. Потом она поехала к мужу, тоже геологу, у нее родился сын Саша и в 46-м вернулась в Ленинград. Тетку Кари я очень любила, но она всегда пугала меня необузданностью своих черных страстей. Она меня тоже любила наравне (почти!) со своим сыном, с которым мы дружили и играли. Но я всегда чувствовала это ПОЧТИ. Когда ей чудилось, что сына обижают, она мчалась на выручку, раскидывая правых и виноватых, и могла бы по дороге в раже зашибить меня до смерти – я всегда в ней чувствовала возможность убийства. Она очень страдала от разлуки с сыном – она училась в медицинском институте, училась добросовестно, а следовательно все время. Саша был на даче с нами, и я помню черный вихрь, влетавший по ночам на веранду. Она хватала его сонного в жадные

объятия и целовала и тискала до одури. А я лежала рядом, испытывая ужас физический и духовный. Я всегда своей природой знала что "так нельзя", и точно: как в русском народе говорится, "заспала его матушка". Он и сейчас жив, женился, работает в НИИ, но... Лупила она его неистово тоже, чем попало, до синяков и ссадин. И он отвечал ей на это тоже неистовыми вспышками немого непроходимого упрямства, с которыми я, когда без тетки, легко справлялась именно тем, что не шла ему навстречу, "сила на силу"; вообще я с ним, как мне помнится, инстинктивно избегала "методики подавления", чувствуя в нем всегда готовую реакцию на это.

Часто, уже в музыкальной школе, я, сославшись на головную боль, не доходила до ненавистного класса. Я канючила и стонала всю дорогу, пока изведенная бабушка где-то посередине не поворачивала назад, и мы ехали к тетке, в небольшую коммунальную квартиру на Петроградской стороне. Там мы играли вместе с Сашей, там же я однажды испытала острое желание взять с собой хорошенький бубенчик, висевший на шее у ослика. У нас тоже были такие бубенчики, но они были связаны по три на противной жесткой проволоке, и я знала, что бесполезно кого-то просить расцепить эту упряжь. К Саше же были внимательнее, это чувствовалось по набору игрушек, по стопке детских книжек, по чистенькой хорошо залатанной одежде, добротной и даже кокетливой. Он вообще был хорошенький и упитанный мальчик, а я была тощим заморенным ребенком. Мне собственно хотелось не бубенчик, а знак мужского внимания, отцов-

ских рук, разогнувших проволоку. Папенька мой никогда бы не сделал ничего подобного. Вот это мне и хотелось умыкнуть. Но я быстро справилась с этим желанием. Я "продолжила" его и почувствовала быстро, что колокольчик так же погаснет в моем доме, как, видно, погасла детская каша в руках моей сестры. К тому же я твердо знала, что брать чужое настолько нехорошо, что даже само это "продолжение" было непозволительной и преступной игрой.

Честность нашу взрослые доводили даже до глупости: например, нас учили играть в прятки, не закрывая глаза, учили смотреть и не видеть"по слову", и я до сих пор это умею – "внутренне" закрывать глаза. Нарушение слова, ложь во спасение – для меня до сих пор серьезная препона, и на вопрос в упор я всегда отвечаю с глупейшей прямотой.

Там на Петроградской и произошел со мной один прискорбный случай. Мы шли по Большому проспекту впереди взрослых, как полагалось, чинно взявшись за руки. ("Если потеряетесь, стойте на месте, или, если знаете дорогу, спокойно идите домой".) Вот мы и потерялись. И спокойно пошли домой, гордые праведным исполнением инструкции. Через какое-то время влетела тетка и, схватив скалку, начала охаживать Сашку, осатанев от пережитых волнений. "И тебе, чтоб не повадно", – завопила она и хлестнула меня по ногам. Что дальше было я просто не помню. Но видно я наделала делов, прежде чем потерять сознание, если с работы вызвали мать (в те-то годы!). Нашла я себя на диване оглушенную, мо-

крую от воды. Нас никогда не били предметами, не били ради битья, не лупили. Попадались под горячую руку – шлепок или оплеуха, но именно шлепок, никогда дважды, прижав, зажав, опрокинув, лишив. Я и до сих пор не могу этого видеть.

Мать вошла, окинула нас всех внимательным взглядом и просто сказала мне: "Одевайся, пойдем пройдемся". Я кинулась к ней, но она серьезно отстранила меня и повторила: "Одевайся, пойдем пройдемся". Кое-как я напялила что-то там такое и вышла с ней на улицу. "Пойдем пешком, чудесная погода", – сказала мне мать, с наслаждением и явным облегчением вдыхая шумный уличный воздух. За ней вздохнула и я – и – почувствовала себя лучше, во всяком случае, ноги меня держали. "Пойдем пешком". Это "пойдем пешком" уже явно, подчеркнуто, относилось только к погоде, к удовольствию совместной прогулки, но никак – к предыдущему. "Посмотри, какие красивые здания, – неспешно говорила мне мать, – как ты думаешь, когда их построили?" (нам часто задавали на улице подобные задачки). Снова и снова пыталась я что-то объяснить, снова и снова мать сдержанно поднимала брови, и опять возвращалась к сомнительным красотам петроградских доходных домов. Так она вычеркнула этот эпизод из моей жизни. Правда, надолго вместе с теткой, с которой я после не разговаривала многие годы – не могла. Потом уже, когда я училась в старших классах и на первых курсах, мы с ней подружились, но это уже другое.

Еще помню, как в самом начале питерской жизни по-

шли почему-то в аптеку за дополнительной кашей для меня. Я живенько съела эту кашу, которую мне давали на корочке хлеба за отсутствием ложки. Съела и запросила еще. И тут мама, приобняв меня, горестно сказала: "Бедное мое дитя", – и в голосе ее я впервые услышала отчаяние.

И к этому времени – очередь за серыми кирпичами хлеба, сгрудившаяся вокруг заводских глухих и высоких ворот. Под воротами сидит на корточках пожилой пленный немец. Изо рта его медленно выходят и лопаются розовые пузыри. Рядом с неизъяснимым выражением на лице – совсем мальчик, солдат. Что толкнуло немца на этот отчаянный шаг? И очередь, которая молча, а многие громко осуждали парнишку и жалели немца. – Мог бы полегче, тоже мне, – глухо ворчали бабы, но никто не трогался с места. Я чувствовала, как тяжело бабушке не оказать помощь, и чувствовала, что если бы не я, если бы не все мы...

Выздоровев и осознав себя, я быстро перешла к экспансии окружающего пространства и человеческих душ, в чем изрядно преуспела. Помню, меня всегда поражала тишина, которая возникала в большом школьном зале, едва я выходила на сцену (а в нашей школе заботились о самовыражении). Тишина эта предваряла мои слова, не зависела от них, больше – от другой какой-то силы. Соблазн власти, плена, в который прежде всего попадала я сама, соблазн быстрого ума, верного ситуационного слуха, умения обобщать и строить, чувства слова долго держали меня. Соблазн этот был так же развратен, как

и полное отсутствие адекватной среды – долгое время единственным человеком, способным к активному творчеству в моем окружении была я сама.

На какое нравственное дно может увести такая внешне благополучная жизнь – трудно себе представить, и я и мои близкие долго расплачивались за это. Теперь я смотрю на свою жизнь до тридцати лет как на затяжную болезнь, в которой я много раз неистово тонула, чтобы с каким-то последним всхлипом вытолкнуться и глотнуть воздуха и сил. Мне везло и не везло с людьми, мне было недоступно чувство зависти, в любви и дружбе я не знала поражений, я была счастлива в творчестве, может быть, больше по незнанию современной художественной мысли. Но то, что я испытываю, вспоминая молодость – это чувство бесконечного раскаяния и стыда, и повторяю вслед за Толстым: Боже избавь повторить этот путь.

1980

СОДЕРЖАНИЕ

I. "НЕ ПРОРАСТИ БЫ ТОЛЬКО ЛЕБЕДОЙ..." (1971-1979)

Соловей 9
"Вот май напористый..." 10
"Вот засевает воду пепел снега..." 11
"Канат скрипит, и озеро лопочет..." 12
Моя родословная 17
Ночной дозор 19
Письма Томаса Манна 25
"Крупной солью..." 41
"Что же бедная коровушка..." 43
Сценарий 44
Новый лирический цикл
1. "Когда мечтаем мы..." 57
2. "Когда взметет..." 58
3. "Невеста, плечи разозлив..." 59
4. "Дом полон мощи..." 60
5. "Клад вдовушки..." 63
6. "Этот яркий клубок..." 64
7. "Кличут черные вехи..." 66

8. "Клади сюда..." 67
9. Покинутые своды 68
Эпитафия поэзии 73
Лето 75
Тбилиси 77
"На вертеле счастливая конина..." 84
"Тот ясный лес ..." 87
"Животрепещущие карпы..." 88
Архилохов стих 89
Тюльпан в тени 90
Непреложный свет 92

II. ВЕСЕЛАЯ КОСМОГОНИЯ
С ЭЛЕМЕНТАМИ МЕДИЦИНЫ (осень 1982) 93

III. ЛИСТЫ ВОСТОЧНОЙ ТЕТРАДИ (1971-1976)

1. "Мне так поразительно пуст..." 119
2. "Еще октябрь, не время урожаю..." 120
3. Созерцание 122
4. Строгие хайку 124
5. Атхарваведа 126
6. Рождение дерева 127
7. Араньяка 130
8. "На горе Лу..." 131

IV . РОССИЯ В ЛЕТЕ (1982-1983)

Лето 135
"Добежал до края дорожки..." 137
"Черные доски забора...". 138
"Я поздно полюбил тебя..." 139
"Как хорошо, что ты будил меня..." 142
"Все отпускает птиц не держит лес..." 146
Классические стансы 147
"Извлечение ночи на лучшую ночь..." 148
"Умылося небо и блещет...". 150
"Кем скажи мы ловим эхо..." 151
"Я говорю с тобой...". 153
"Время мирно растекалось...". 155
"Истине не надо света...". 157
"Печальный дом..." 158
"Он был неловок с ветром..." (В. Резункову) 160
"Мышка..." (В. Резункову) 162
"Азавтразавтразавтра..." 165
"Дороги твои заснули...". 167
"Глоточек зависти..." (В. Резункову) 170
Развоплощение (В. Резункову)
"Роскошный пантеизм твоих стихов...". 173
"Так значит они разбежались..." 175
"Господи, Господи как это важно..." 175
"Отпустишь всадника..." 176
"Твой позвоночник падает на стол...". 177
"Если камень начнет говорить..." 178

Пять улыбок интеллигенции
1. "Много сил..." 179
2. "Поздравление с новым Годом..." 180
3. "А мы любим друг друга!.." 182
4. "Торжественнейший понт..." 183
5. "Каждому дали чудесную клеточку..." 184
"Оставайтесь пока на местах..." 186
"Кумирня в ночь объята пламенами..." 190

V. АВТОБИОГРАФИЯ (1980) 193